

Мой худший друг

Автор:

Мария Высоцкая

Мой худший друг

Мария Высоцкая

Азарины-Токманы-Громовы #3

Тим – кошмар ее детства. Сын друзей родителей. Гадкий, наглый. Без тормозов. Арина – домашняя девочка отличница. Переведенная в школу-интернат для детей богатых родителей. Он пообещал превратить ее жизнь в ад, и он сдержит свое слово. Несмотря на то, что эта худшая дружба обернется самой сильной и именно поэтому, такой болезненной любовью.

Мария Высоцкая

Мой худший друг

Глава 1

Ариша

– Мам, мне правда нужно ехать вместе с вами?

– Ариша, мы это уже обсуждали, – мама всовывает отцу в руки пакет с подарками для Азариных и открывает для меня заднюю дверь машины. – Что за пессимистичные настроения? Выше нос!

Мотаю головой, с тоской поглядывая на наш новый дом. Мы переехали из Питера в Москву за три дня до Нового года. Было тоскливо оставлять друзей, свою комнату, да и вообще весь привычный уклад жизни.

У родителей здесь работа. Отец открывает новую клинику, маму пригласили главным балетмейстером в театр, и только одна я притащилась сюда невесть для чего. Паршиво. Еще и за полгода до выпускного.

Каникулы скоро закончатся, и мне придется идти в школу. Новую школу, которую мы до сих пор так и не выбрали.

- Стёп, мы ничего не забыли? Кажется, я не положила подарок для Катюши.

- Ульян, прекрати паниковать.

- Положила, мам, - подаю свой унылый голос.

- И я говорю, мать зря панику разводит, - папа улыбается мне в зеркало дальнего вида и переводит машину в драйв.

И он, и мама знают, что этот переезд дается мне нелегко. Я даже на отдыхе первые дня четыре хожу как сомнамбула, пока привыкну к новому месту.

Еще и погода... Всю неделю валит снег, и если до Нового года он вызывал радость и ощущение чуда, то сейчас нагоняет тоску.

Наблюдая за скользящими по стеклу дворниками, перманентно слушаю родителей, которые обсуждают ремонт. Еще один минус переезда - жить на коробках и ждать, когда же по твоей комнате перестанут слоняться рабочие.

- Сюда, Стёп, - мама взмахивает рукой, и папа сворачивает к высоким воротам, которые практически сразу разъезжаются в стороны.

Дом Азариных разительно отличается от нашего, хотя бы тем, что больше раз в шесть. Но это и не удивительно, если твоя семья дружит с миллионерами.

– Ну вы и забрались, – басит отец, как только мы заходим внутрь. – Ты так скоро вообще в лес жить переедешь, Серёг.

Дядя Серёжа выходит навстречу и пожимает отцу руку. Маму целует в щеку, а меня, как и десять лет назад, треплет по голове.

– Стёпа, – тетя Алёна выпархивает следом за мужем, – не подавай ему таких идей, а то и правда скоро будем среди медведей обитать. Ариша, какая ты красивая.

– Здравствуйте, спасибо, – выдавливаю улыбку и напрягаюсь от шума шагов.

Я не хотела сюда ехать не столько из-за своей нахлынувшей апатии, сколько из-за наличия здесь Тима. Сына Азариных. Моего персонального ада с самого детства, понятия не имею, почему он меня так невзлюбил, но любая наша с ним встреча вечно заканчивалась моими слезами.

– Всем привет! – нараспев кричит Катюха, племянница дяди Серёжи и моя подруга по совместительству.

– Катрин, ты, как всегда, в голосе, – подтрунивает папа, и Катька улыбается еще шире, откидывая за спину свои темные волосы.

– В мамулю же, ну! Аринчик, – Катины руки заграбастывают меня в крепкие объятия, а губы чмокают в щеку.

– Привет, – обнимаю ее в ответ.

– Как давно я тебя не видела.

Мы медленно перетекаем в столовую под шумные разговоры и смех. Родители дружат с Азариными, сколько я себя помню. Отец еще учился с дядей Серёжей в Суворовском училище, так что их дружбе уже больше двадцати лет.

– Алёна! – спохватывается мама. – Я же подарки привезла.

Пока мама рассказывает о гастролях и рассовывает всем коробочки с бантами, мы с Катькой устраиваемся за столом. Ужин будет долгим, веселым и действительно семейным.

– А Тимоша где? – спрашивает мама, и я замираю. Кажется, каждая мышца в моем теле напрягается до состояния металла.

– Должен быть с минуты на минуту. Ему же восемнадцать исполнилось, Серёжа подарил машину, представляешь?! Я теперь постоянно на нервах. А если что-то случится?

Мой внутренний голос на этих словах гаденько шепчет что-то вроде: «Было бы неплохо».

– ...и вот, идем мы, значит, по берегу, а там акула. Настоящая. Маленькая, правда, но я так перепугалась.

Катька так смешно выпучивает глаза, что на моем лице появляется улыбка.

– Вот Тим тоже ржал.

– Кто бы сомневался, – поджимаю губы. – Сострадания явно не его.

– Ага. Кстати, ты со школой определилась? Давай к нам, а? Будем жить в одной комнате.

– Точно, – подхватывает тетя Алёна, – вы же до сих пор не определились со школой. Катюша права, Арине должно понравиться в лицее. Хороший преподавательский состав, пятидневка, корт, бассейн, высокий уровень английского.

Мама мгновенно загорается этой идеей и включается в разговор, правда, уточняет, что режим интерната скорее минус, чем плюс. Правда, потом добавляет:

– Хотя у нас сейчас ремонт, весь этот шум будет отвлекать от учебы. Ты как думаешь, Стёп?

- Если Арина заинтересуется, то пусть.

- Арин?

- Я не знаю, - передергиваю плечами, сжимая в руке вилку.

Учиться вместе с Катей - хорошая идея. Не придется искать подруг и быть белой вороной в новом классе, только вот...

- Всем добрый вечер.

Адский голос из детства, от которого меня до сих пор триггерит, заполняет собой всю столовую, несмотря на то, что по размеру она занимает половину первого этажа нашего дома.

Тимофей Азарин собственной персоной.

Пока он пожимает руку моему отцу и целует свою мать в щеку, я буравлю взглядом тарелку. Мой кошмар детства наяву.

- Тебя во сколько просили приехать? - с нажимом спрашивает дядя Серёжа.

- Пробки, па.

- Госпожа балетмейстер, - Тим делает пафосный поклон перед моей мамой, - Как всегда, прекрасно выглядите.

- Тимоша, - мама с улыбкой треплет его темные, и так взъерошенные волосы. - От девчонок отбоя, наверное, нет, да, Алён?

- Сами мучаемся. Но больше, конечно, от внимания учителей, которые постоянно на него жалуются, да, сынок?!

- Мам, - Тим закатывает глаза и падает на стул напротив меня.

Чуть крепче сжимаю вилку и поднимаю взгляд.

– Арина, – его наглая, улыбающаяся физиономия так и напрашивается на кулак. – А ты подросла, – подмигивает и не стесняясь опускает взгляд к вырезу на моем платье, родители этого, конечно, не видят.

– Тимофей! – это уже дядя Серёжа его одергивает. – Давай сегодня без твоих дурацких шуточек.

– Привет, – смотрю на Азарина-младшего в упор, – а ты остался таким же, как и в шестом классе. В развитии точно, – добавляю чуть тише, так, чтобы слышал только он, ну и Катька.

Та, кстати, хрюкает от смеха. Тим же, наоборот, прищуривается, вытягивая губы тонкой полоской, вербально обещая мне очередную расправу.

– Ну а по поводу лица вы подумайте, – опять включается Азарина. – Там и Катя своя. И Тимоша в обиду Арину никому не даст.

– Ты переводишься в наш лицей? – включается «Тимоша».

– Еще не решила, – вздернув подбородок, отворачиваюсь к Кате и начинаю рассказывать ей о том, как покаталась на лыжах в этом году.

Саму при этом обдаёт мелкими мурашками. Я просто не выживу, если на целых пять месяцев окажусь с ним на одной территории.

– О, супер. Я в этом году махнула с Тимохой в Майами, решила порадовать мамулю с папулей и отправила их на горнолыжку, пусть вдвоем зависнут. Без третьих лишних. Правда, соскучилась уже жуть.

Пока Катюха рассказывает про свой отдых в компании "Тимохи", я кожей чувствую на себе пристальный взгляд Азарина. Еще немного, и он сотрет меня в порошок...

Когда мне было десять, этот гад запер меня на чердаке дома, и я просидела там почти целый день. Родители тогда уехали, я орала там как ненормальная, но

дверь мне никто так и не открыл до самого вечера.

На мой тринадцатый день рождения он столкнул меня в бассейн, прекрасно зная, что я не умею плавать. Папа меня выловил, но я до сих пор боюсь водоемов, в которых не чувствую дна под ногами. Максимум могу зайти в море по пояс, дальше уже страшно.

В шестнадцать на дне рождения моего папы я застукала Тима со своей девкой целующимися у себя в комнате. Он валялся на кровати прямо в ботинках, а она, как я потом выяснила, изуродовала плюшевого медведя, который напоминал об умершем дедушке, и залила весь ящик с косметикой водой.

И это только малая часть. То, что вспоминается сразу, стоит мне его только увидеть.

Поначалу я, конечно, жаловалась родителям, но чем больше я это делала, тем хуже становились его «приколы». После жесткой выволочки от дяди Серёжи Тим снова брался за свое, но теперь уже сильнее обозленный. Поэтому в какой-то момент я решила минимизировать наше общение, старалась напрашиваться к бабушке, когда родители ездили в гости к Азариным, или прикидывалась больной.

– Оставайтесь у нас. Там такая метель, – предлагает тетя Алёна, и, конечно, мама сразу соглашается. Папа с дядей Серёжей уже как полчаса закрылись в кабинете. – Комнат всем хватит.

Я на этих словах белею как мел. А вот Азарин, напротив, обдает меня ядовитой улыбкой, которая не предвещает ничего хорошего.

– Я даже не знаю, завтра с утра нужно в театре быть.

– Встанем пораньше, – стоит на своем Азарина, и мама, сдает позиции. Хотя ей и самой хочется почесать с Аленой языками.

– О, тачку-то покажи, – оживает Катька и, обогнув стол, упирается в плечи двоюродного брата ладошками. – Я ж не видела еще. Ариш, ты с нами?

- Не интересуюсь машинами.

- Да ты ничем, кроме своих книжек, не интересуешься, - хмыкает Тим и получает словесный подзатыльник от матери.

- А тебе стоило бы поинтересоваться книжками ради разнообразия.

Азарин прищуривается и, с шумом отодвинув стул, поднимается из-за стола.

- Пошли, Катюха.

Как только они уходят, я сразу же спрашиваю, где могу лечь спать, и в сопровождении домработницы иду наверх.

Оказавшись в комнате, закрываюсь на замок изнутри и, стянув с себя платье, бросаю его на кресло. После такого ужина мне явно не помешает горячая ванна.

Пока набираю воду, чищу зубы и просматриваю ленту, запускаю свой плейлист, устраивая телефон на подставке рядом с ванной.

Я отмокаю, пока проигрывается треков двадцать, кожа на ступнях и ладонях за это время сморщивается, а разморенное теплым влажным воздухом сознание тянет в сон.

Завернувшись полотенцем, толкаю дверь и выхожу в спальню.

- С легким паром?

Сердце мгновенно уходит в пятки. Медленно поворачиваю голову на звук, крепче прижимая полотенце к груди.

Азарин, широко раскинув ноги, сидит в кресле, а мое платье, которое я туда кинула, теперь валяется на полу.

- Как ты сюда попал?

– У меня есть ключ.

Именно его он демонстрирует, потянувшись к карману джинсов. Блестящий металл, зажатый между пальцев, мелькает перед моим лицом и снова возвращается в карман.

– Выйди отсюда.

– Это мой дом, Громова. Так что, если что-то не нравится, вали отсюда сама.

– Зачем ты пришел?

Тим склоняет голову вбок, а потом так резко вытягивается во весь рост, что с испуга я отскакиваю шага на три назад.

– Не шугайся так. Я пришел предупредить, что в моей школе тебя не ждет ничего хорошего. Ты же это понимаешь, Ариша?

Мое имя он произносит с насмешкой. Всегда произносит с насмешкой.

– Не переживай, я не горю желанием там учиться.

– Вот и хорошо.

Тим прищуривается, бросает взгляд на мои голые ноги и, сунув руки в карманы джинсов, поворачивается к двери. Которая, кстати, распахивается. Видимо, за собой, на ключ он ее не закрывал.

Катька забегает в комнату с широченной улыбкой, но, увидев своего братца и меня в полотенце, чуть притормаживает. Я замечаю, как дрогнули уголки ее губ, а глаза загорелись интересом. Даже любопытством.

– А что это вы тут делаете?

– Пришел пожелать Арине спокойной ночи. Тебе тоже советую лечь спать, – парирует Тим и, не обернувшись, выходит из комнаты.

– Че ему опять надо? – Катя со всей силы хлопает дверью. – В лифте, что ли, родился?

Катюха закатывает глаза и, потерев ладошки друг о друга, забирается ко мне на кровать.

– Огрей ты его уже чем-нибудь тяжелым, достал выпендриваться. Блин, – мечтательно вздыхает, – так классно, что мы теперь будем вместе учиться. Правда?

– Правда, – натянуто улыбаюсь и наконец надеваю халат.

Очень классно....

Глава 2

Ариша

– Это куда, мам?

– А что там?

Мама заворачивает вентиль и, оттолкнувшись от раковины и вытерев руки полотенцем, переводит взгляд на коробку, на боку которой красным маркером написано: «Ел. игрушки», и которую я уже как родную прижимаю к груди.

– Игрушки для елки.

– Где ты ее нашла?

- На втором этаже, в гостевой.

- И почему мы не заглянули туда перед Новым годом? Не пришлось бы покупать новые.

- Понятия не имею, - пожимаю плечами и ставлю все это добро на обеденный стол.

Из всех комнат в новом доме для жилья пригодны кухня, ванные и туалеты, в остальных помещениях ремонт в самом разгаре. Например, вчера утром, когда я пошла чистить зубы, в моей комнате лежал только матрац, а когда вернулась, туда успели занести кровать. Огромную, круглую, с мягкой лавандовой обивкой.

- Этот ремонт сведет меня с ума, - мама подтягивает штанины серых домашних брюк и садится на стул. - Ты как? Голова не болит? Температуры нет?

- Mam, у меня не акклиматизация.

- А кто его знает, Ариш. Ты уже вторую неделю как привидение по дому слоняешься. Может, витамины пропить?

- Я привыкаю, - с губ срывается тяжелый вздох, и мама с грустной улыбкой качает головой.

- Я знаю, что весь наш переезд тебе и даром не нужен. Хотя ты постоянно говоришь обратное. Ну вот так получается, малыш. Папе сложно разрываться на два города, а без его тотального и личного контроля дела в новой клинике в порядок не придут.

- Я понимаю, - выдернув стул из-за стола, ставлю его напротив мамы, чтобы присесть рядом.

- Не злишься?

- За что? Мне просто нужно чуть больше времени, чтобы привыкнуть. Я справлюсь. Сама же отказалась пожить эти полгода у бабушки. С вами хочу.

– Если будешь чувствовать себя плохо, сразу говори. И я сейчас не только про физическое состояние.

– Знаю, – улыбаюсь и тянусь к маме с обнимашками.

Моя мама максимально тактильный человек, постоянно всех обнимает, трогает, целует. Потому что ее мама в свое время, да и до сих пор очень холодный и своенравный человек. Я же в папу, предпочитаю очерчивать вокруг себя максимальные границы. Терпеть не могу, когда трогают мои волосы или, например, целуют в щеку, особенно если это практически чужие люди, проявляющие вот такую странную вежливость во время приветствий.

И мой порыв пообниматься сейчас маму, конечно, очень радует, но и прекрасно дает понять, что мое состояние находится в шатком положении и далеко от нормального. Обычно я так эмоции не проявляю, но сегодня вдруг захотелось. Наверное, после пережитого стресса в доме Азариных. Тим, как всегда смог пошатнуть мою уверенность.

Тим любит подобные появления и еще указывать. Этим он вчера и занимался без всяких стеснений. Это насколько нужно быть самоуверенной какашкой, чтобы вот так заявиться в комнату к постороннему тебе человеку?

– Ты про школу подумала?

Мама что, мысли читает?

– Ну так... Не скажу, что сильно хочу там учиться. Это же, наверное, дорого... А мы только переехали, и клинику папа открывает...

– Вот эти вопросы ты вообще в голову не бери. Деньги у нас есть. К тому же Серёжа – главный спонсор в этом лицее, поэтому нам сделают неплохую скидку на обучение. Ты же у меня отличница, на золотую медаль идешь. В прошлой школе все учителя были от тебя в восторге.

В Питере я тоже училась в частной гимназии. И преподаватели меня правда хвалили, хотя, наверное, сложно этого не делать, когда человек и правда учится, старается и пытается вникать абсолютно во все – основные уроки,

дополнительные занятия, спорт, самодеятельность. Я была замечена во всем.

- Да и Катюша поможет тебе адаптироваться, ты у меня девочка сдержанная, закрытая, а Катюха у нас боевая, всех разгонит.

В этом мама права, Катька и я – полные противоположности, которые притянулись. Даже удивительно, что у нас есть общие интересы, я бы сказала, много общих интересов. Но тут роль сыграла дружба наших родителей, мы с Катрин с детства в одной упряжке, в реальной жизни я с девчонками Катькиного темперамента практически не общаюсь.

- И Тим, если что, в обиду не даст, а то парни сейчас те еще...

- Ой, они всегда такими были, – закатываю глаза, чтобы съехать с разговора про Азарина. Вот о ком о ком, а о нем я говорить точно не хочу.

- Ну-у-у-у, тут ты права. Так, куда наш папа-то запропастился? – мама бросает взгляд на свое запястье, окольцованное часами. – Почти одиннадцать уже.

- Работает. Может, фильм посмотрим?

- Давай тогда еще вот эти коробки разберем и завалимся что-нибудь посмотреть, – соглашается мама и, поднявшись со стула, направляется к вещам, сложенным в углу. – Я тогда Алёне звоню насчет школы? До завтра желательно дать ответ.

Родители стараются, у них сейчас и так куча дел. Нагружать их своими проблемами, которые, по сути, связаны только с одним гадким мальчишкой, будет верхом эгоизма, поэтому я киваю и даже пытаюсь улыбнуться.

Ну не убьет же он меня, ей-богу! В конечном счете эта школа ему не принадлежит, а я имею право учиться там, где хочу. И в сложившихся обстоятельствах я выбираю именно ее.

- Уверена? Если не хочешь, мы посмотрим что-то другое.

- Осталось всего два дня, мам.

– Ничего страшного, выход есть всегда. Я не хочу, чтобы ты училась там, где тебе не нравится.

– Мне нравится. Катюха вчера показывала фотки, там есть теннисный корт.

В моей прошлой школе такого не было. На самом деле много чего не было. Например, школьной телестудии, студии звукозаписи или скалодрома в спортивном зале.

Правда, все это перекрывает один жирный минус. И этот минус я встречаю первым в пустом школьном коридоре, потому что опаздываю на урок, немного заблудившись в здании.

Катюха, как оказалось, заселится в комнату лишь со следующей недели, потому что подцепила простуду и теперь сидит дома с соплями.

Только выворачиваю из-за лестницы и сразу слышу:

– Эй, некрасивая!

– Это ты мне?

Оборачиваюсь на голос, от которого еще с детства бросает в дрожь. Азарин спрыгивает с подоконника, на котором сидел с планшетом в руках, и делает пару широких шагов в мою сторону. Инстинктивно пчусь, прикрывая себя руками. В пылу его наступления и моего бегства я не заметила, как оказалась у стены.

– А ты тут кого-то еще видишь, Громова? Зря ты меня не послушала. Не стоило переводиться. Жизнь в этом месте станет для тебя адом, – он ядовито улыбается и толкает меня под лестницу. – Крысам здесь не место.

Мой внутренний голос вопит зарядить ему пощечину, но вместо этого я просто стою как истукан. Самая тупая защитная реакция – притвориться мертвой. Но в критических ситуациях, особенно когда я теряюсь, что ответить, срабатывает именно она.

– Чего тебе от меня надо, Азарин? – упираюсь затылком в стену и от неожиданности клацаю зубами.

– Испугалась? – Тим притворно улыбается. У него даже голос становится мягче. – Я пошутил. Давай дружить, Громова, не чужие же люди.

– Ты серьезно?

Азарин кивает, а его губы оказываются слишком близко к моему лицу.

– Конечно, я стану твоим самым худшим другом, А-ри-ша. Самым, – шепчет мне на ухо.

Кому я вообще верю? Seriously, Арина? Ты правда на секунду допустила, что он может быть нормальным?

– Не трогай меня, – передергиваю плечами в попытке сбросить оцепенение. – И никогда больше ко мне не подходи, – толкаю его в грудь в надежде, что это даст мне шанс улизнуть. Ну или хотя бы выбраться из-под этой дурацкой лестницы, куда он меня затолкнул. Нас же здесь практически не видно.

Любой пройдет мимо и даже не заметит. Мне что, опять вопить? Как в десять лет на чердаке?

Да и после моего толчка Азарин практически не сдвинулся с места. Как стоял, так и стоит. Может быть, миллиметров на двадцать отшатнулся, а потом снова приблизился. План провалился с треском.

– А вот это зря. Я, значит, проявляю любезность и почти гостеприимство, а ты, Громова, мой порыв не ценишь.

– Чего ты вообще ко мне прикопался? Тебе заняться нечем?

– Думаю, что теперь точно есть чем, – он ухмыляется, обшаривая мое тело глазами от носов туфель до макушки. – Своим появлением ты обеспечила мне развлечение прямо до выпускного.

– Дай мне пройти. Я опаздываю на урок.

– Он у нас общий. Мы же теперь одноклассники. Могу проводить в класс. Ты же заблудилась, верно?

– Я обойдусь.

– Алгебраичка опоздунов не любит. Еще пять минут, – чекает время, – и она тебя уже не пустит.

Пропустив его слова мимо ушей, предпринимаю вторую попытку уйти. Делаю решительный шаг вперед и сразу ощущаю, как на мое плечо ложится его ладонь. Тим дергает ремешок сумки вниз, и тот, скользя по предплечью, повисает на моем согнутом локте.

Я отчетливо слышу грохот выпавших из незакрытого на молнию отделения мелочей. На пару секунд прикрываю глаза и, громко выдохнув, опускаюсь на корточки, чтобы подобрать высыпавшиеся через открытое отделение ручки, бальзам для губ, пудру, которую теперь только выкинуть, потому что она, кажется, разбилась.

Это именно то, о чем я мечтала. В первый же день в новой школе ползать у Азарина в ногах!

– Все? Шалость удалась? – вытягиваюсь во весь рост и вжикаю молнией на сумке. – Если хочешь, я даже могу заплакать. Тебе же в кайф доводить меня до слез. Ты от этого какое-то болезненное удовольствие испытываешь. Сейчас, подожди минутку или ущипни, – вытягиваю руку вперед и, не рассчитав силу,

чуть не заезжаю ему кулаком в нос. – Чтобы быстрее было.

Тим отталкивает мою руку и, сунув свои в карманы, негромко произносит:

– Тебе лечиться надо, Громова, ле-чи-ть-ся. – Причем говорит он все это с таким лицом, будто я и правда психически больна. – Удачи в поисках кабинета.

Круто развернувшись на пятках, он идет к подоконнику, на котором оставил свои шмотки, и, закинув рюкзак на спину, заворачивает за угол.

Наблюдаю за ним боковым зрением, а сама дрожащими руками поправляю пиджак и воротничок рубашки. Нужно немного успокоиться и наконец уже найти этот долбаный класс.

Именно это я и делаю. Привожу себя в порядок и, в сотый раз за день посмотрев карту школы в приложении, нахожу нужный мне кабинет. Он этажом выше.

Быстро взбегаю по ступеням наверх и заносу кулак над той самой дверью. Короткий стук, прежде чем дернуть ручку на себя, и вот на меня уже смотрит пятнадцать пар глаз.

– Девушка, у нас не опаздывают, – чеканит преподаватель, отрывая маркер от доски.

– Я не могла найти кабинет.

– Или просто решили подольше поспать в первый учебный день, как делали это все каникулы. Выйдите за дверь.

– Меня просто ввели в заблуждение, – переступаю с ноги на ногу. Я просто не могу быть изгнанной с первого урока в первый же день. – Сказали, что это не второй корпус, а первый. Мое приложение глючит, – трясусь телефоном перед своим лицом. – Поэтому сначала я пошла в соседний.

– Кто сказал?

Первой мыслью мелькает назвать рандомное имя, но потом воспоминания подкидывают это обидное «крыса», отвешенное Азариным ни за что, и я без запинки произношу и так затертую до дыр в эти дни фамилию:

– Азарин.

На дальних партах после моих слов начинается оживление. Мельком осматриваю класс, пряча руки за спину. Знаю, что развязываю войну, но опоздала я и правда

из-за него. Если бы он не загнал меня под эту лестницу...

Тот, кто сидит за одной партой с Тимом, толкает его локтем в бок и тычет в меня пальцем.

- Азарин, значит? - алгебраичка сдвигает очки на кончик носа и, немного сгорбив спину, пристально смотрит на Тима. Который, в отличие от его дружков, делает вид, что говорят вообще не о нем.

- Он, - киваю.

Понятия не имею, чем для меня обернется это «признание», но в борьбе за себя иногда любые методы хороши.

- Этот может. Присаживайтесь, Громова. А Тимофей у нас пойдет к доске. Мы как раз начали проверять домашнее задание. Вы же выполнили его за каникулы?

- Может, не я? - Тим лениво откидывается на спинку стула.

На удивление, он не метает в меня молнии. Затишье черед бурей?

- Посмотрите на Лизку, она просто мечтает заработать еще одну пятерку.

- Иди зарабатывай свою двойку.

- Вы меня почти уговорили, но не очень...

- Азарин!

- Иду.

Тим вытягивается во весь рост. Я продолжаю стоять у доски. Преподаватель как раз переключается на то, чтобы меня представить, а потом направляет к свободной парте. По тупому стечению обстоятельств она как раз в соседнем ряду от места, где сидит Азарин. За что?

Класс смотрит вроде с интересом, а вроде и с безразличием, понять сложно. Единственное, что явно читается у многих на лбу, это вопрос, откуда я знаю Тима. Для рыжеволосой девочки за первой партой это самый животрепещущий вопрос, судя по тому, как вытянулись ее губы и сузились глаза.

– Проходите, Громова, все на вас уже насмотрелись, – бурчит алгебраичка, и мне ничего не остается, как шагнуть вперед, в проход, куда уже вышел Азарин.

Мы сталкиваемся с ним нос к носу где-то на середине пути.

– Значит, я виноват? – хватается меня под локоть, не парясь о том, что мы в классе и за спиной стоит учитель.

– Дай пройти, – стараюсь говорить тихо, но при этом убедительно и самое главное – ровно. Голос не дрожит, а мое волнение остается только моим. Во внешнюю среду я его не транслирую.

– У вас там дом свиданий? – ворчит преподавательница, и класс начинает подхихикивать.

Я дергаюсь вперед, но Тим продолжает меня удерживать, начиная рассуждающе угрожать.

– Катюха у нас болеет, а это значит, в комнате ты пока одна, – он улыбается и запрокидывает голову, будто вот-вот разразится зловещим смехом. – Советую быть осторожной этой ночью.

Он проходит дальше, а я еще какое-то время зависаю в проходе, пытаюсь скинуть оцепенение и наконец уже занять свое место.

Соприкоснувшись со стулом, поворачиваю голову, наталкиваясь на улыбку какого-то парня, взгляд которого моментально опускается к моим ногам. Свою колени крепче и, прикрыв часть лица волосами, упираюсь взглядом в тетрадь, прекрасно слыша, как Азарин скребет маркером по доске, отпуская дурацкие комментарии по ходу решения.

Глава 3

Тим

- Давайте, Азарин, покажите ваш ум, а не только умение болтать без умолку.

Кость, а если точнее, Зверева Анна Константиновна, уже поперек горла. С самого утра, в самый же первый день вынести мозг. Умеет. Любит. Практикует.

- Так как-то, - кладу маркер и сразу же выискиваю Громову. Сидит, пялится в тетрадку, святая простота. Надо было ее под лестницей придушить, чтобы не мучилась и язык за зубами держала. Если Кость опять надумает звонить отцу, дома на выходных точно лучше не появляться.

- Ну, это твердая двойка, Азарин, растешь.

- А вы как думали? Прогресс за каникулы.

Наши орангутанги начинают ржать, а я держусь лишь за одну мысль: побыстрее вернуться на свое место, чтобы... Чтобы что? Не буду же я эту бестолочь перед всем классом прессовать?

- Садитесь. Очень бы хотелось увидеть вашего отца.

- А он, Анна Константиновна, занят, дела, знаете ли.

- Надеюсь, что он найдет время ко мне заглянуть.

- Я передам.

- Что вы, Тимофей? Я позвоню ему сама. В прошлый раз он оставил мне свой личный номер, чтобы я могла связаться с ним без вашей помощи.

- Какой же он... гуманный человек, Анна Константиновна. Могу садиться?

- Не задерживаю. Так, кто-нибудь все-таки решит эту теорему?

Лизка снова тянет руку. Говорил же, сразу ее надо спрашивать.

Падаю на свой стул, вытягиваю ноги и упираюсь ладонью в поверхность парты. Громова сидит в соседнем ряду, на парту дальше. Мы практически по диагонали.

Бросаю в нее карандаш, но реакции ноль.

- Ты ее знаешь? - зудит над ухом. Это Дюша, и ему не терпится поговорить. Особенно после того, как Ариша меня сдала, еще не успев толком войти в класс.

- Ага, дочка папенькиного друга. Заучка обыкновенная. Очков для антуража не хватает.

- Хорошая, я б с ней замутил.

- Губу закатай.

- А что, у самого планы?

- Если только после смерти. Обижать ее могу только я, Королев. На лбу себе красным маркером так и напиши. Я теперь личный секьюрити... Дома мне примерно так и сказали.

- А я без плохих намерений, ты же знаешь. Предлагаю только сильную и чистую любовь.

- Давай ты как-нибудь сам на сам, а?

- Хамишь, Азарин.

- Я дико вежлив. Может, свалим после этого урока, а? Спать охота.

- Не знаю, а че делать будем?

- Без понятия.

- А ты на тачке?

- Ага, конечно. Наш всемогущий с раннего утра на весь дом орал. Ключи отобрал. Сам подарил, сам раздарил - называется.

- Попадос...

- Еще какой, - вздыхаю, цепляя спину Громовой взглядом. Кажется, за эти минуты она и правда ни разу не пошевелилась.

- А может, в зал?

- А гиббон нас не сдаст?

- Подмажем чем-нибудь, ты же знаешь, он дядька сговорчивый.

В зал, так в зал. Физрук у нас и правда понимающий. Только внешне действительно похож на обезьяну. Руки длинные, башка маленькая, глаза вечно выпученные, в темноте увидишь, считай, на ужасы сходил. Плюс за мужество, если не обделался.

- Вариант. Даниса пни там, он с нами или нет?

Королев набирает сообщение как раз в момент звонка.

- А вот сами ща и спросим, - засовывает телефон в карман.

Я прекрасно вижу, как Дюша пялится на Громову, которая очень быстро собирает свои шмотки и уходит из класса. Правда, прежде чем сбежать, влетает в идущего к нам Кайсарова. Еще один заучка с первой парты, только свой.

- Прости, - бормочет Ариша и выскользывает за дверь.

Кайсаров улыбается и даже делает шаг в сторону, чтобы ее пропустить.
Джентльмен, блин.

- Мы сваливаем, ты с нами? - закидываю рюкзак на плечо.

- Куда?

- В зал, наверное. Чет в первый день учеба вообще не идет.

- Я воздержусь.

Королев закатывает глаза и запрыгивает задом на подоконник.

- Блин, у тебя батя - криминальный авторитет, ты в кого такой валенок, Кайсаров?

Данис ухмыляется, упираясь ладонью в Дюшино плечо, а потом этой же рукой легонько гладит его по голове, как какую-то тупую дворняжку.

- Андрюша, ты так сильно мозги не напрягай, не уверен, что они выдержат такую бурную мыслительную деятельность, как сопоставление меня и того, чем занимается мой отец.

- Че?

- Короче, - вмешиваюсь в этот обмен любезностями, - не идешь, значит?

- Ты же слышал.

- Принял. Мы тогда вдвоем.

- Тим?

- А?

- Ты когда успел ее так запугать? Новенькую.

Что я люблю в Кайсарове, так это то, что, в отличие от Королева, он смысленный малый. У Дюши, конечно, с этим проблемы колоссальные.

– Я всегда думал, что ты по моей Катке сохнешь. А теперь оказывается, на Громову засматриваешься.

Перевожу стрелки, тупо чтобы не отвечать на его вопрос. Размусоливать эту тему не вижу смысла, а говорить о том, почему я так делаю, – подавно.

– Не издевайся над девчонкой, – Данис улыбается и, развернувшись, идет в направлении класса, где будет следующий урок.

– Я давай без тебя разберусь, а?!

В ответ слышу лишь смешок.

Бесит!

Но настоящее бешенство я ловлю на ужине, когда вижу Громову за одним столом с Кайсаровым. Они мило разговаривают, улыбаются. Правда, до момента, пока раскрасневшаяся от смеха Ариша не замечает меня.

Кайсаров это ее изменение мгновенно улавливает и бросает взгляд на вход. Ровно туда, где мы с Королевым и зависли. Точнее, я один завис. Андрюша уже двинул за подносом.

Киваю Данису, и в ответ он вытягивает руку, подзывая меня к ним за стол. В эту прекрасную идиллию, чтоб ее...

– Всем приятного аппетита, – выдергиваю стул из-под стола с громким, мерзким звуком, будто веду вилкой по стеклу.

Данис кивает, а вот Громова вскидывает взгляд. Правда, смотрит при этом на Кайсарова. Делает вид, что моего появления даже не заметила, потому что продолжает ему что-то рассказывать. Ведь до этого они о чем-то весело болтали.

– ...так что мое решение более быстрое.

Конечно, что еще могут обсуждать двое заучек.

– Но не всем подойдет.

– Согласна, Азарин вот и самое простое тригонометрическое уравнение сегодня не решил. Да?

И вот теперь смотрит на меня, причем с насмешкой. Знакомство с Даником на пользу ей явно не пошло. Хотя это же Ариша, и доходит до нее туга. Она до сих пор не поняла, что Кайсаров мой друг, а не враг.

– Я сейчас.

Данису звонят. Он встает из-за стола и выходит в коридор.

– И когда мы стали такими смелыми? – цепляюсь носком кроссовка за ножку ее стула, занятия закончились, поэтому с формой можно распрощаться, и дергаю на себя.

Громова ойкает и уже через пару секунд оказывается рядом со мной. Хорошо, что столы круглые.

– Хочешь, я открою тебе маленький секрет? – подаюсь к ней, и Арина сразу прилипает к спинке стула. Ожидаемо. – Он с тобой общается исключительно по Катькиной просьбе.

Она продолжает нагло улыбаться. Верить в себя, Арина, в твоей ситуации большая ошибка.

– С чего вдруг Кате кого-то просить со мной общаться? – картинно закатывает глаза.

– Потому что ты зажатая, пресная ботаничка, которую забьют тут в первый же день. Твои предки попросили нас тебя оберегать. Катька заболела. Кайсаров за ней второй год таскается и выполнит все, о чем она его попросит. Так что, если

бы не Дан, ты сидела бы здесь одна.

Громова поджимает губы. Анализирует. Пытается не верить, но червяк сомнения уже завелся в ее умненькой голове. Время идет на секунды. Зрачки расширяются. Вижу, как окаменели ее плечи. Взгляд потух. Вызова там больше нет, скорее разочарование.

- Хорошая попытка, - выдавливает улыбку, - я почти тебе поверила. В следующий раз приложи чуть больше усилий.

Конечно, не поверила, именно поэтому вцепилась в край стола до побелевших пальцев и улыбаешься так, что скоро кожа на щеках потрескается. Не верю, Громова. За артистизм двойка. С натяжкой.

- Ты можешь думать что хочешь. Главное - помалкивай и не высывайся.

- Иначе что?

Арина подается вперед. Наши взгляды сталкиваются. Чувствую запах ее духов и неосознанно рассматриваю лицо. Курносый маленький нос, большие круглые глаза в обрамлении пушистых темных ресниц. Открытые, честные, светлые, как и положено правильной девочке. Две светло-серые льдинки, которые готовы стереть меня в порошок.

Она тоже успела переодеться. Распустить свои светлые, немного вьющиеся волосы, а вместо строгой формы из брюк и пиджака надеть вязаное бледно-голубое платье длиной чуть выше колена. Сейчас она сидит, поэтому подол подтянулся вверх, оголяя ноги под темным капроном почти до середины бедра.

В горле становится сухо. Громова продолжает прожигать меня своими глазами, а я понимаю, что не могу пошевелиться. Пауза затянулась и стала практически мхатовской. Нужно что-то с этим делать, срочно что-то делать.

Но я продолжаю молча на нее тарашиться.

Ариша скользит рукой по столу, и я инстинктивно накрываю ее своей ладонью, читая в серых льдинках недоумение, смешанное с волнением.

Черт!

- Узнаешь, – отдергиваю руку. – И не забудь запереть комнату не только на ключ, но и на защелку. Всякое может произойти.

- Это угроза?

Ее вопрос звучит глухо и абсолютно без вызова. Она сейчас потеряна не меньше моего, и если я успел собраться за эти секунды, то она все еще в раздрае.

- Дружеский совет.

- У вас все нормально? – голос Даниса застаёт врасплох.

Откидываюсь на спинку стула, достаивая его лишь кивком головы.

- Вы в хоккей играть пойдете? – голосит подоспевший Королев.

- Иду, – перевожу взгляд с Громовой на него.

- Дан?

- Воздержусь. Арин, ты идешь?

Кайсаров расплывается в улыбке, на которую Громова отвечает легким кивком и поднимается из-за стола. Теперь она явно не так рада его предложению. Ну что ж, я просто хотел, чтобы она знала правду, которую мне рассказала Катька, пока мы болтались с Дюшей в спортзале.

Катрин первая написала, что попросила Даниса приглядеть за Аришей. Возможно, я показал Громовой это немного под другим углом, но ей полезно. Пусть встряхнется.

Или она думала, что кто-то здесь упадет ей в ноги? Как этот ее Антошка?

- Ты есть не будешь?

Королев наяривает вилкой жульен, а меня тошнит от одной мысли о еде.

– Воздержусь, – копирую недавний ответ Кайсарова и поднимаюсь из-за стола. – Жду тебя в раздевалке.

На хоккейной площадке, которую каждую зиму заливают на уличном футбольном поле, поочередно загораются прожекторы. Девчонки уместились на первом ряду трибуны. Суток не прошло, а Янка уже успела настроить всех девок в классе против Громовой, поэтому они сбились кружком и демонстративно отползли в сторону, когда Ариша села на скамейку выше, прямо над ними.

Катки нет, чтобы разогнать эту шайку, а Громова новенькая, которая в первый же день дала понять, что если не знает меня, то готова вступить в открытый конфликт. Обратила на себя внимание. Ну и с подачи моей неумной сестры все видели, как Кайсаров с Аришей нянчился, а на него, между прочим, виды тоже у многих имеются, даже несмотря на то, что кроме Катрин он женский пол здесь вообще не замечает.

Так что одним своим появлением Громова нажила себе полкласса врагов.

Королев дает мне пас, который я с успехом пропускаю, засмотревшись на Аришу, сидящую с телефоном в руках и активно что-то в нем печатающую.

– Тим!

– Все, все. Щас соберусь.

– Они нас так всухую сделают.

Девки из параллели взвизгивают, потому что их пацаны ведут, и если обычно это вызывает прилив адреналина и злости, то сегодня мне больше интересно, кому написывает Громова. Неужели до сих пор со своим Антошкой?

Как итог мы и правда проигрываем почти всухую.

Стягиваю перчатки и откатываюсь к трибуне. Янка, увидев меня, оживает, начиная телодвижение навстречу.

Вскидываю взгляд на Громову, которая собирается уходить, и, ускорившись, успеваю схватить ее за руку через открытую зону отбойника.

– Я же говорил, – подмигиваю ей. – Одна, – развожу руки в стороны и с улыбкой откатываюсь назад.

Ариша злобно наблюдает за тем, как я еду в направлении выхода задом, и, накинув на голову капюшон, торопливо идет в корпус.

Улыбка на моей роже становится еще шире.

А уже перед отбоем весь жилой корпус вздрагивает от громкого крика Громовой. Кто-то подкинул ей на кровать дохлую крысу.

Глава 4

Ариша

Зачем он это сделал? Как сильно нужно ненавидеть человека, чтобы устроить такое?

Мы с Тимом всегда не ладили, но я не думала, что настолько. Нужно было слушать маму и сто раз подумать, прежде чем сюда ехать. Она же предлагала подыскать еще варианты школ, а я...

Постельное мне уже сменили, но даже сейчас воображение все равно продолжает дорисовывать эту бедную мышь.

Я вернулась в комнату после улицы и прекрасно помню, что ничего на моей кровати не было, зато, когда минутами позже вышла из душа уже в халате, чуть не сошла с ума от ужаса. С детства боюсь мышей, а эта еще и неживая.

– Завтра будем разбираться. Ложись спать, – заведующая жилого корпуса напоследок придирчиво осматривает комнату и, тяжело вздохнув, выходит за дверь. С ее уходом мне снова становится не по себе.

С опаской кохусь на кровать и отхожу к окну. Выключать свет не поднимается рука, а лечь в эту «могилу» – тем более. Забираюсь на подоконник и, подтянув колени к груди, упираюсь в них лбом.

Он же открыто сказал, что меня ждут неприятности. Это была прямая угроза, которую я проигнорировала. Думала, что это лишь слова. Но нет. Азарин в этот раз превзошел сам себя.

Время близится к часу ночи, а я так и сижу на этом чертовом подоконнике. Словно в детстве, когда ты воображаешь, что пол – это лава и на него ни в коем случае нельзя ступить.

Вот он, первый день в новой школе. Если так пойдет и дальше, то с легкой подачи Азарина меня положат в психушку.

Перебираюсь на пустую Катькину кровать, но уснуть не могу. Прислушиваюсь к каждому шороху в страхе услышать шаги. Мотнув головой от бессилия, вскакиваю на пол и, как советовал Азарин, защелкиваю врезанный по Катькиной просьбе шпингалет.

Уснуть этой долгой ночью толком не получается. Я постоянно ворочаюсь, мне то становится жарко, и приходится даже приоткрывать окно на проветривание, то холодно, и я заворачиваюсь в одеяло с головой. Еще и сны дурацкие снятся. Я либо от кого-то бегу, либо прячусь. В общем, жирный отпечаток этого гадкого дня засел в моей голове гораздо глубже, чем я предполагала.

Утром, абсолютно не выспавшаяся, еле разлепляю глаза. В ванную тащусь с разлохмаченной шевелюрой, видимо, во время своих бегств во сне, я сильно ерзала по подушке, даже расческой все это сложно продрать. Приходится мыть голову, а так как встала я с четвертого будильника, завтрак пропускается

автоматом. Спортивная двадцатиминутка – тоже.

На выходе из здания милый дядечка-охранник жуёт бутерброд, прихлюпывая запивая его колой, а когда видит меня, усердно делает вид, что смотрит в экраны, на которые подаются изображения с камер.

– Доброе утро, – кладу ключи на стойку и выхожу на улицу.

Погода сегодня морозная. Еще слишком рано, но по оранжевым разводам на небе, частично скрытых шапками деревьев, понятно, что день намечается солнечный.

Второй учебный корпус, самый дальний от жилого, и если в первый можно проскользнуть без куртки, то топтать до второго в одном пиджаке – занятие сомнительное.

На морозе щеки становятся красными, и в зеркале гардеробной я вижу не себя, а Марфушу из «Морозко».

Пока вешаю куртку и расчесываюсь, спиной чувствую чужое присутствие.

– Ты нормально?

Поворачиваюсь на знакомый голос, принадлежащий Кайсарову. Теперь его физиономия не вызывает никаких позитивных эмоций. Тим был прав, Данис возится со мной исключительно по Катиной просьбе. Судя по тому, что, кроме меня, из девчонок он тут ни с кем не общается, а в туалете я слышала диалог старшеклассниц из параллели о том, что Дан никого, кроме этой выскочки Токман, не замечает, все встает на свои места.

– Прекрасно.

– У нас такое периодически случается с новенькими.

– Всем подбрасывают крыс?

– Не идентичное. Ты же меня поняла...

– Спасибо за пояснение. Прости, мне звонят, – откровенно вру и, приложив телефон к уху, притормаживаю у окна. Дан мой намек понимает и проходит дальше.

Ночью, во время своей бессонницы, я практически детально изучила план школы, поэтому теперь знаю, куда идти, и без провожатых. Шанс заблудиться равен нулю.

Прежде чем войти в класс, делаю глубокий вдох. Слух о ночном инциденте уже обошел всех в школе, поэтому, уверена, сегодня я снова буду в центре внимания. После занятий еще нужно будет зайти к директору по поводу всего этого.

Переступив порог, занимаю свое место. Как оказалось, в каждом классе все сидят за одними и теми же партами. А еще вся основная работа делается на планшетах в школьном приложении, все твои записи и задания по предметам – в одном месте, куда ты просто вводишь свой пароль.

Опускаюсь на стул, стараясь не обращать внимания на любопытствующие взгляды. Хотя их не так много. Большинство с головой погрязли в учебниках.

– Стоп, а че все учат? – вопит Андрей, тот, что дружок Азарина.

Ну да, вряд ли человеку, сидящему закинув ноги на парту, вообще известно, что люди приходят сюда учиться.

– Проверочная, вообще-то, Королев, – Лиза громко цокает языком и снова погружается в книгу.

– На второй день? Э, кто-нибудь что-нибудь знает? Че все молчат-то?!

– Дюша, громкость убавь, – без особого энтузиазма отзывается Кайсаров.

– Хоть скажите, че читать...

– Все, что было в том полугодии.

Кто это говорит, я не понимаю, зато иду к стойке с учебниками.

– О, Громова,хвати мне тоже, – орет Королев, и я прихватываю еще и для него. Хотя не уверена, что он ему вообще нужен.

Открываю содержание, пытаюсь понять, на какой теме провисают мои знания.

Азарина, к счастью, до сих пор нет. Но, вопреки моему желанию, он все же появляется. Вровень со звонком и без спроса садится со мной за одну парту.

– Предатель, – бурчит Королев. Тим лишь пожимает плечами и что-то говорит ему одними губами.

Разбирать, что он снова задумал, у меня нет никакого желания. Я просто отодвигаюсь подальше, перечитывая параграф.

Физик заходит в класс, и все начинают копаться в учебниках еще усердней.

– Как вы все уже поняли, – смотрит на доску, на которой выведен большой заголовок: «Проверочная работа», – у нас проверочная. Разбирайте планшеты. Королев, ну что ты там делаешь? Выхода в интернет на нем нет. Ты же знаешь. Включай мозги, время девять, уже пора. Телефоны сдаем. Давайте-давайте, живо. Лиза, собери.

Лиза проходит по классу с пластиковым контейнером, куда все бросают смартфоны, и относит его на стол учителя.

– Вчера меня не было, поэтому наше с вами классное совещание пройдет сегодня, после занятий, прошу далеко не убегать.

Кроме того, что он преподает физику, он еще и наш классный куратор.

Ввожу пароль и открываю свой вариант теста. Мне нужно написать эту проверочную на отлично, только и всего.

– Громова, – через какое-то время тычет локтем в бок Азарин, – правильно же?

Поворачиваю голову, понимая, что он показывает мне свои ответы. Серьезно?
После всего?

- Понятия не имею, - бурчу и продолжаю ставить галочки в тесте.

- Ты переломишься, что ли?

- Ты правда думаешь, что я буду тебе помогать? Ты мне крысу в кровать подкинул!

Я так громко взвизгиваю, что, кажется, мой вопль слышит весь класс. Физик прищуривается и с грозным видом смотрит на Азарина.

Черт!

- Тимофей, значит, это был ты?

Азарин с усмешкой откидывается на спинку стула. Он смотрит на меня, а я вот-вот воспламенюсь оттого, насколько горят мои щеки.

- Ну если Громова так сказала, видимо, да. Уже могу идти к директору?

- Сначала закончи тест. А потом мы разберемся, кто, куда, а главное, когда пойдет, - заключает Евгений Эдуардович.

Тим хмыкает и отодвигает от себя планшет.

- А я уже все.

- Значит, посиди молча.

Пока идет их словесная перепалка, я пытаюсь сосредоточиться на заданиях, но не выходит. В сотый раз перечитываю вопрос, но ничегошеньки не понимаю. Ровно так же, как и не понимаю, зачем он сознался? Разве суть коварного плана - не избежать наказания за свои проделки?

Я бы после этого и под пытками не сказала, что это он. Мне вот вообще больше не нужны все эти разборки. Я просто хочу учиться. Спокойно. Так, чтобы меня никто не трогал и не донимал.

Как только звенит звонок, я практически сразу вскакиваю со своего места, чтобы поскорее уйти, но сделать мне это сейчас просто не суждено. Физик притормаживает меня у своего стола и просит задержаться. То же самое чуть позже проделывает с Тимом.

Когда класс рассасывается, мы остаемся в кабинете втроем.

- Итак, Тимофей, что за детские и уж слишком агрессивные выходки?

- Развлекаюсь, - Азарин пожимает плечами. Ведет себя так, будто он здесь царь и бог и плевать ему на чувства других людей. Хотя на последние ему и правда всегда было ровно.

- Арина, директор ждет тебя у себя в кабинете после занятий, - физик вздыхает. - Да, ребятки, что-то вы с каждым годом все больше и больше перегибаете палку. Тимофей, тебя мы теперь тоже ждем. Я очень надеюсь на твою сознательность.

- Я приду, - Азарин поднимается с места и забирает свой телефон из контейнера. - Не переживайте, Евгений Эдуардович.

Мы с физиком наблюдаем, как Тим покидает кабинет без всякого на то разрешения, и, кажется, даже синхронно вздыхаем.

- И что за кошка между вами пробежала? Ты второй день здесь.

- Мы давно друг друга знаем. Наши родители дружат.

- Однако. Ладно, - хлопает в ладоши. - У директора я буду на твоей стороне, не переживай.

К чему он сделал уточнение, я не понимаю, пока не оказываюсь на ковре в директорской. Азарин пришел туда раньше меня и Вертолетова.

– Инцидент, конечно, неприятный, – Арно, наш директор, поднимается из-за стола и с интересом пробегаются по мне взглядом. – Арина, мы пока не сообщали о случившемся вашим родителям, – его глаза начинают нервно бегать из стороны в сторону, – и мне бы хотелось оставить случившееся в стенах нашей школы. Так сказать, не выносить сор из избы.

– Вы считаете нормальным то, что произошло? – вмешивается физик.

– Евгений Эдуардович, вы же знаете, я ценю вас как преподавателя и ваш современный, я бы даже сказал, инновационный подход к обучению. Но, выходя за двери школы, подобные случаи очерняют нашу репутацию. Тимофей извинится перед Ариной и больше никогда не повторит ничего подобного. Правда?

Азарин, усевшийся в кресле у стола, кстати, сидит здесь только он, часто кивает. Как болванчик. Очень продуманный болванчик. Не зря он приперся суда первым. Сто процентов у него уже состоялся диалог с директором.

– Это буллинг, – не сдается Вертолетов.

– Евгений Эдуардович, давайте без громких слов.

На сайте школы написано – демократичный подход, что подразумевает решение всех конфликтов посредством разговоров, а значит, никакого давления и буллинга тут априори быть не должно. По факту же дети богатых родителей вольны делать все, что пожелают. Максимум, что им может грозить, отчисление, но и его здесь никто особо не пугается.

– Вот что я предлагаю, – директор огибает свой стол и присаживается в массивное кожаное кресло из кожи молочного цвета. – Тимофею и Арине стоит больше времени проводить вместе. Все конфликты возникают от недопонимания, оттого что дети плохо друг друга знают.

– Что? – сама не понимаю, как с моих губ срывается этот писк, но назад его не вернуть.

Больше проводить времени вместе? Да он издевается, что ли?

– Арина, у вас есть какие-то предложения? – Арно переводит взгляд на меня, и я лишь отрицательно мотаю головой. – А вот у меня созрело. Думаю, вам с Тимофеем будет полезно поработать в тандеме. Все спортивные мероприятия, контрольные, самостоятельные, лабораторные и смежные дополнительные занятия вы будете отрабатывать в паре. Месяц. Думаю, этого времени вам хватит, чтобы найти точки соприкосновения и обуздать свою обоюдную неприязнь.

Уверена, что я становлюсь красной как рак от своей злости. А вот Азарин, напротив, лыбится. Ему весело, конечно, это же не его заставили целый месяц учиться за тупого, самодовольного мальчишку.

Из кабинета я вылетаю первой, мне нужна минутка в тишине и одиночестве, чтобы прийти в себя. Как только у нашего директора хватило на это ума?

Гадство!

В кармане пиджака булькает мобильный. Сообщение от Антона.

«Привет. Я скучаю».

Боже, а как я скучаю по своей старой школе, ну и по Антону тоже. Быстро печатаю ответ, не сразу соображая, что за моей спиной кто-то стоит.

Поворачиваю голову и нервно взвизгиваю. Азарин пялится в экран смартфона через мое плечо.

– Как мило, – выдает мрачно. – Пошли, Громова, оказывается, ты тоже записалась на плавание.

– Никуда я не пойду.

– Тандем, помнишь? Так что напяливай купальник, оценим твои... Твое умение плавать.

Боже! Решила, называется, впервые за последние годы побороть свой страх воды и хоть немного научиться плавать...

Записывать себя в данную внеурочную дисциплину изначально было сомнительной идеей. А теперь и подавно....

Глава 5

Тим

После кабинета директора мы с Громовой расходимся в противоположные стороны. И если она выбирает кратчайший путь до комнаты, я иду окольными, чтобы поутихла злость.

«Привет. Я скучаю».

Как мило, что даже тошно. Антошка снова нарисовался на горизонте. Жаль, не успел прочесть, что она ему там ответила.

Идея с ее переводом в нашу школу была отвратительной. Я знал это с самого начала. Не могу спокойно реагировать на ее мельтешение рядом, хотя, наверное, уже давно пора. Никогда не мог, сколько себя помню.

Мне кажется, это началось лет в десять. Постоянно хотелось обратить на себя ее внимание, но Громова даже ребенком была до оскомины правильной. Не шуметь, не бегать, читать книжки и улыбаться родителям – это прям про нее.

Поэтому единственный путь хоть как-то задержаться в плоскости ее координат – это довести до слез. Вот тогда она не делала вид, что меня не существует. Скорее наоборот. Детская психика воспринимала это триумфом, но чем старше мы становились, тем ситуация становилась сложнее.

В какой-то момент она будто пропала. Игнорировала все эти бесконечные поездки родителей в гости друг к другу и даже совместный отдых. То болела, то училась, то оставалась где-то еще...

Ну а потом появился Антошка. Нам было по шестнадцать. У ее отца был день рождения, и Ариша притащилась туда со своим одноклассником тире парнем...

- Тим! - Королев хлопает меня по плечу, нагоняя у входа в жилой корпус. - Ты меня слышишь?

- Ага, - фокусируюсь на ступеньках.

- Чувак, это же был не ты. С крысой... сто процентов Янка.

- Я в курсе, но так надо.

Мы поднимаемся в комнату, и, пока я переодеваюсь, Королев заваливается на кровать. Хорошо, что без ботинок, поначалу, после того как он перевелся, у него была такая тупая привычка, тянущаяся из дома. Там за ним рота домработниц по пятам ходила, а здесь мы всегда сами свои комнаты вылизывали.

- Что Арно сказал?

- Именно то, что я хотел услышать.

- Я чет тебя вообще не понимаю, Тим.

- А тебе и не надо, - накидываю капюшон худи на голову и, зашнуровав кроссовки, отчаливаю в басик.

По прекрасному стечению обстоятельств Громова уже там. Сразу вылавливаю ее взглядом, как только выхожу из раздевалки. Бегло осматриваю ее силуэт...

Да, Ариша у нас будто в олимпийскую школу пришла, пловчиха. Максимально закрытый купальник. Слитный. Рукава чуть выше локтя, хорошо, что шорты не по колено. Скукота.

Она даже змейку до самого подбородка застегнула, но вот шапку, как и все девчонки, проигнорировала.

Опускаюсь на противоположный край бассейна рядом с Анькой, которая тупо болтает в воде ногами и покачивает головой в такт играющей в ее наушниках музыке.

Тренер проводит Громовой инструктаж и, как он это любит, размахивает во все стороны руками, пока объясняет.

Наблюдаю за тем, как Ариша спускается в воду, и получаю тычок в плечо, это Анька предлагает наушник. Почему нет?

Оценивать ситуацию под бодрящий бит становится гораздо веселее.

Тренер продолжает показывать Громовой, как нужно плыть на пальцах. Да, наш Валентин Вячеславович в бассейн только по праздникам заходит. В общем, все уныло.

Поворачиваюсь к Лапиной и вынимаю наушник из уха.

- Анька.

- М?

- Сделай для меня кое-что.

- Чего? - она лениво откидывается немного назад, упираясь ладонями в пол.

- Притворись, что тебе плохо.

- Зачем?

- Надо.

– Ладно, тогда в выходные прикроешь меня перед отцом. Мы с Таськой в клуб хотим, я своим скажу, что у тебя останемся ночевать. Классный сбор какой-нибудь, договорились?

– Без проблем.

– Отлично. Сейчас меня вовремя подхвати, главное. Не хочу расшибить башку.

Анька вытаскивает ноги из бассейна и, вытянувшись во весь рост, тут же с громким воплем падает на пол. Точнее, мне в руки, которые я вовремя подставляю.

– Ой, ой, моя нога!

Шоу начинается. Лапина рыдает в три ручья, растирая лодыжку, и вот наш доблестный тренер уже бежит сюда, покрасневший как рак. Все знают, какой долбанутый у Лапиной отец, и лишний раз с ним связываться никто не хочет. Поэтому, думаю, Валёк уже самолично свою голову на плаху сложил, пока бежал.

– Азарин, как вовремя ты ее поймал, а если бы голову разбила? Аня, идем-идем в медпункт.

– Ой, не знаю, встать не могу. Нога болит. Сейчас, нужно отдышаться.

Пока Анька продолжает причитать, ныряю в воду и пересекаю бассейн, подплывая в лягушатник, где брызгается Громова.

– Так ты плавать никогда не научишься, – подпираю бортик в месте, где воды мне примерно по пояс. Если что, Ариша плавать у нас именно на такой глубине учится. То, что ее умение где-то на уровне топора, я в курсе. Интересно другое: зачем она вообще сюда ходить решила?!

– Я без тебя разберусь. Хорошо? – огрызается и, повернувшись ко мне спиной, продолжает свои бултыхания.

Наблюдаю за ее попытками и тем, как она злится, если не выходит. А у нее откровенно не то что не выходит... Там полный мрак.

Тренера нет. Анька отлично сумела его отвлечь и, возможно, заработать себе дополнительный балл.

Делаю несколько шагов к Громовой и, обогнув ее талию одной рукой, подтягиваю к себе, начинаю отдаляться от этого лягушатника.

- Ты совсем? Азарин!

Она бьет по воде руками и ногами, пока несколько раз не пытается дотянуться до дна, которого не чувствует.

- Я здесь не стою, - сначала шепотом. - Не стою, - а вот теперь переходит на писк.

- Это самая неглубокая дорожка.

Видимо, мои слова звучат неубедительно, потому что она перекручивается, чтобы оказаться ко мне лицом, а потом мертвой хваткой вцепиться в плечи и вонзиться ногтями в кожу.

- Успокойся ты, - отдираю от себя ее руки, - тут неглубоко.

- Ты меня утопишь, Азарин, - она дергает ногами так, что в какой-то момент задевает резинку на моих плавках коленом, стягивая их на пару миллиметров вниз.

- Ты сама меня так либо утопишь, либо разденешь. Прекрати дергаться. Тебе тут по плечи.

- Нет. Ты выше, поэтому тебе так кажется. Я нахлебаюсь, - снова ударяет по воде рукой.

- Ноги поставь на дно, или ща нырнем.

- Не дотянусь, - мотает головой и подползает по мне выше. Дерево я тебе, что ли?

- Класс, Громова, если что, в мои планы не входило с тобой обжиматься, - откровенно вру.

- Да мне вообще без разницы, что в них входило. Верни меня туда, - вытягивает руку в направлении лестниц.

Совсем незаманчивая идея. Вот совсем...

- Верни меня назад, или... или отпусти!

- Отпустить? - убираю руку, продолжая чувствовать, как ее ногти добиваются до мяса на моих плечах. - Даже если бы и хотел, это вряд ли возможно.

- Я боюсь воды, ты знаешь, что я боюсь, и все равно...

Делаю пару шагов в сторону захода в бассейн.

Арина перестает орать и с недоверием сначала смотрит по сторонам, потом на меня. Только сейчас замечаю, что плечи у нее покрылись мурашками, а губы подрагивают. Ладно, идея была тупая, и я правда знал, что с водой она в натянутых отношениях. Даже на отдыхе вечно в самых мелких бассейнах плещется. В море тоже максимум по пояс заходит.

Развожу руки в стороны, давая ей понять, что больше не держу и воды мне здесь примерно по пояс. Ей чуть выше.

Громова медленно разжимает пальцы, оставляя на моей коже вмятины в виде полумесяцев как напоминание о ее вонзающихся ногтях.

- Ладно, извини.

- Извини? Ты социально опасен, Азарин.

- По-моему, опасна сейчас ты. Еще немного, и покусает, - расплываюсь в улыбке, наблюдая за тем, как краснеют ее щеки.

- Ненавижу тебя. С самого детства ненавижу, - шипит мне в лицо, абсолютно не замечая, что я уже сделал несколько шагов назад, а сама она на эмоциях втопила следом и уже зашла в воду примерно по шею.

Вот интересно, если я отойду еще, она заметит, что ее по макушку скроет?

- Ты... - срывается с ее губ, и, видимо, теперь она осознает, что сама отошла от «берега». - Как?

Аринкины зрачки расширяются, а губы застывают буквой «О». Вижу, как в серых глазах пронесется буря эмоций. Они ее еще не охватили, и пока она лишь впала в оцепенение. Стоит, крутит головой и хлопает ресницами.

- Руку дай, - протягиваю ей ладонь под водой.

- Зачем? - опускает взгляд.

- Просто дай руку. Не собираюсь я тебя топить.

- Я тебе не доверяю.

- Я тебя и не заставляю. Ты себе доверься. Телу.

Она мнетя, сиротливо озирается назад и со скорбным видом протягивает мне руку. А ведь могла бы просто развернуться и пойти туда, где мелко.

- Ты правда так боишься воды?

- Скажи за это себе спасибо! После того как ты скинул меня в бассейн в том платье и я чуть не утонула...

- Ты бы не утонула, - морщусь, вспоминая тот день.

Я ее случайно толкнул, хотел просто напугать, но в какой-то момент все просто вышло из-под контроля. Хотел спасти, но, пока тупил, дядь Стёпа меня опередил и сам выловил ее из бассейна.

– Правда? Ты сделал это на мой день рождения! Испортил платье, прическу и напугал меня до икоты.

– Извини, – бормочу еле слышно. Терпеть не могу извиняться. Никогда не любил этого делать.

Крепко сжимаю ее руку и разворачиваю к себе спиной. Арина округляет глаза и не шевелясь наблюдает за происходящим.

– Топай к берегу.

Громова делает всего лишь шаг, когда Королев с разбега ныряет бомбочкой в бассейн с криком: «Посторонись!»

Вода на соседней дорожке выходит из берегов, окатывая нас волной брызг.

Ариша взвизгивает. Все происходит за доли секунды. Вот я слышу ее крик, и вот она снова висит на моей шее, впечатываясь своими губами в мои.

Время замедляется, как в пресловутом слоу мо. В висках пульсирует, сердце переключается на какой-то сверхрежим, отбивая ритм канонадой выстрелов из чего-то крупнокалиберного.

К горлу подступает ком, дыхание учащается. Воздуха становится меньше, вот-вот наступит кислородное голодание. Мышцы скрипят от напряжения.

Я по кадрам вижу, как расширяются ее зрачки, а лицо приобретает испуганное выражение. Ее руки обвивают мою шею, а колени упираются в живот.

Мы оба в шоке, с которым каждый борется по-своему. Я в сотый раз прогоняю через себя короткое прикосновение ее губ, разбирая это действие на молекулы, чтобы растянуть эффект эйфории. Она же, напротив, готова сделать все что угодно, лишь бы забыть...

Эмоции не уступают разуму, и я чувствую, как она упирается ладонями мне в плечи, пытаясь оттолкнуть.

Все, конечно, прекрасно, но если она сейчас реально от меня оттолкнется, то уйдет под воду. Фиксирую руки на Аришиной талии, не давая ей такой возможности, и, видимо, за это получаю тычок в грудь.

– Нахлабаешься воды, – говорю через взявшую меня оторопь. В голове еще сумбур, и формулировать мысли в слова, а тем более в предложения, сложновато.

– Я... я здесь стою, – бормочет, заливаясь краской. – Отпусти.

Нехотя разжимаю руки, наблюдая, как Громова, рассекая водную гладь, вылезает из бассейна, уже не боясь этой самой воды, которая скрывала ее по шею.

Оказавшись на суше, поскользывается, но, удержав равновесие, пулей уносится в раздевалку, ни разу не оглянувшись.

– Ты че такой довольный? – спрашивает вынырнувший рядом Дюша.

– Да так... Хороший прыжок, – перевожу взгляд на соседнюю дорожку, куда он плюхнулся пару минут назад, и провожу пальцами по своим губам.

Глава 6

Ариша

– Эй! Поосторожнее!

– Прости... – бормочу, растирая ладонью плечо, которым задела идущую навстречу девочку на пару лет младше меня.

В ответ она только закатывает глаза.

Ладно, пусть. Спишу свою неуклюжесть на шок. Он и вправду у меня есть, практически связал по рукам и ногам. Пола под собой я точно не чувствую, да и двигаюсь больше на рефлексах. В голове ярко-красным мигает табличка: «Беги!», вот я и бегу, не замечая никого вокруг.

Как вообще такое могло произойти? Как я такое допустила? Королев! Чтоб его. Кто вообще его просил нырять в этот бассейн, да еще и так близко?!

Забежав в раздевалку, стягиваю с запястья браслет с магнитным ключом и открываю свой шкафчик.

В душ схожу в комнате, ни на минуту здесь больше не хочу оставаться.

Закрутив волосы в пучок повыше, стягиваю с плечиков джинсы и свитер. Снова ухом не веду, что не одна в раздевалке. Это приходит позже, необъяснимым предчувствием. Ну или чужим вздохом, что стал оглушительным в этой тишине.

Поворачиваю голову, натываясь глазами на ту самую девочку, которая подвернула ногу. Она сидит на лавке, закинув ногу на ногу, тихо как мышка.

– Привет, – взмахивает ладонью и сворачивает крышку с пластиковой бутылки минералки. – У тебя все нормально?

–А? – встряхнув головой, обвожу ее более осознанным взглядом, прослеживая ее кивок головы.

Она как бы говорит – посмотри на свои руки.

Вытягиваю ладошки, в которых держу свитер, а они дрожат. Пальцы вцепились в плотный материал широкой вязки цвета баклажана до белеющих костяшек и дрожат.

– Нормально, – сглатываю, чувствуя острый приступ жажды, улавливая боковым зрением, как шатенка делает глоток воды. – Можно?

- Держи. Я, кстати, Аня, - протягивает мне бутылку.

- Арина. Как лодыжка?

- А, это... - растирает голеностоп. - Сказали, ничего страшного, легкий ушиб.

Жадно пью воду, а когда понимаю, что опустошила бутылку и теперь пластик просто сминается под моими пальцами, виновато смотрю на Аню.

- Прости.

- Да ладно, сама только ее выкинь. Лучше расскажи, что это у вас с Тимом за отношения?

- Нет у нас никаких отношений, - расстегиваю купальник и, сняв верх, заматываюсь полотенцем.

- Ну это у тебя нет, а вот у него явно есть. Не заметила?

- Заметила. Все, чего он хочет, это испортить мою жизнь. Так всегда было.

- Всегда? - глаза Ани загораются любопытным блеском. - Погоди, вы знакомы, что ли? Давно?

- С детства.

- Серьезно?

- Серьезней некуда, - наконец-то надеваю свитер и закидываю купальник в водонепроницаемое отделение сумки.

- Класс, значит, будем дружить. Я с Андреем раньше встречалась. Королевым.

- Будем дружить, - бормочу, а сама при упоминании Королева готова разразиться громом и молниями.

– Ладно, тоже нужно переодеваться, – Аня бодренько поднимается на ноги и, покосившись на меня, хмурит брови. – Ауч, – морщится, хватаясь за лодыжку, и, придерживаясь за стенку, направляется в душевые.

Как только она исчезает из моего поля зрения, я тут же о ней забываю, потому как мой мозг все еще находится в стрессе. Перед глазами так и мелькает этот несчастный поцелуй, чтоб его!

Лучше бы я поцеловала лягушку, вот честно. Лучше бы лягушку... Глядишь, и она бы превратилась в прекрасного принца.

Вздыхаю и, вжикнув молнией на сумке, перебежками, как настоящий шпион, возвращаюсь в комнату.

Как только оказываюсь одна, уверенная, что из-за угла никто не вывернет, а издали никто не смотрит, оседаю на пол. Прямо тут, у двери, правда, изначально закрываюсь на все замки и шпингалеты.

Ужасный день. Я думала, хуже быть не может. Оказывается, ошибалась.

Как меня только угораздило? И прямо ведь в губы. Нет бы в щеку или подбородок, но в губы!

Арина, ты везучая как утопленник. Если бы не Королев со своей бомбочкой, ничего подобного бы не произошло. Но самое гадкое, что теперь мне нужно как-то смотреть Азарину в глаза. Уверена, он найдет тысячу подколов и сочинит не меньше гнусных шуточек.

В этих стенах покой мне действительно может только сниться. Хотя на деле даже снятся мне всякие маньяки и преследования...

Окончательно погрязнув в произошедшем эпизоде, на ужин решаю не идти. Пусть мои нервы останутся в покое хотя бы до завтрашнего утра.

Брожу из угла в угол, в голове то и дело вспыхивают эти неясные ощущения. Я прокручиваю касание наших губ, чувствуя, как краснеют щеки. Да я вся горю. И места себе найти не могу. Ни сидится, ни лежится. Ничего.

Открываю оконную створку на проветривание, чтобы впустить немного уличного холодного воздуха, да так и остаюсь у подоконника.

Окна моей комнаты выходят на внутренний двор, где как раз и расположен хоккейный корт, над которым уже зажглись прожекторы. Вчера я пошла разведать местность и оказалась там случайно, хотя лучше бы прошла мимо.

Конечно, меня задела реакция девочек из класса, так же как и выходка Азарина. Его слова больно бьют по самолюбию, я прямо слышу его голос в своей голове.

«Одна...»

Будто ему больше всех надо. Это вообще не его дело, с кем я дружу. Не его!

Резко задернув шторы, падаю на кровать и, немного поерзав, перекатываюсь набок, крепко обнимая подушку.

Сердце грохочет как ненормальное. Каждый шорох воспринимается угрозой. Я прислушиваюсь ко всему, что происходит в коридоре, и будто подсознательно чего-то жду. Понятия не имею чего... Но какое-то тревожное предчувствие заполнило комнату до потолка.

Когда в дверь стучат, мое бедное сердце готово сначала провалиться в пятки, а потом, вернувшись на свое законное место, развернуть грудную клетку, чтобы убежать и спрятаться под кровать. Мне и самой, если честно, хочется под нее спрятаться.

Настороженно иду к двери. Может, постучат и уйдут? Кто это вообще может быть? Я здесь толком ни с кем не общаюсь. Может, Кайсаров? Хотя с чего? Если только Катька снова попросила.

– Арин, открывай, – женский голос по ту сторону окончательно вводит в ступор. – Это Аня.

Аня? Дергаю шпингалет и, повернув ключ, тяну ручку двери на себя.

– Ты как? Я тебя на ужине не видела. Поэтому принесла кофе и пончики. Пройду?

- Извини. Проходи, конечно.

Аня переступает порог и вручает мне бумажный пакет с пончиками, оставляя в своих руках подставку с двумя стаканами кофе.

- Завтра вечером все в волейбол играть идут. Пойдешь? - Аня ставит стаканы на столик и, выдвинув для себя стул, плюхается на сиденье. - А то ты тут как затворница.

- Не знаю...

- Если что, Тима сразу после ужина отец забрал в город, - подмигивает. - Вернется только послезавтра.

- А ты откуда знаешь?

- Андрей сказал. По кофе?

- Хм... Ты знаешь, я очень люблю волейбол. За волейбол!

Мы с Анькой хихикаем и чокаемся кофе.

На следующий день я действительно выдыхаю, Азарина и правда нет в школе. На всех уроках я сижу одна и испытываю от этого невероятное удовольствие. Вот бы так было всегда, жаль, что мечта неосуществима, по крайней мере в этих стенах точно.

После основных занятий посещаю еще несколько дополнительных, включая плавание. Не думала, что после вчерашнего инцидента еще когда-нибудь сюда приду, но отсутствие Тима подталкивает меня к бассейну. Я бы сказала, манит.

Тренер помогает мне адаптироваться и уделяет примерно семьдесят процентов своего внимания. Кроме меня, как оказалось, плавать умеют все.

Разделавшись с внеурочными занятиями, быстренько переодеваюсь в джинсы и объемное худи, дожидаюсь на входе Аньку и вместе с ней иду на ужин.

Без Азарина жизнь в этом месте и правда меняется. К нам за стол подсаживается Данис, Зоя – Анина подруга, а потом Королев, последнего я видеть мало желаю, но вроде даже его присутствие не вносит никаких негативных побочных.

Мы едим за разговорами, а после расходимся по комнатам. Анька обещает зайти за мной, когда соберется в зал, и все, что мне остается, – это найти подходящую одежду. Взгляд падает на ярко-оранжевый спортивный костюм из леггинсов и топа с длинным рукавом. По-моему, неплохо.

Покрутившись у зеркала, решаю, что это стопроцентное попадание, и напяливаю черные кроссовки.

Играю я неважно, мне как-то ближе танцы, растяжка, а не сумасшедший матч, где тебе в любую минуту может прилететь по лицу мячом.

– Ты готова? – Анька заглядывает ко мне в облегающем стройное тело черном комбинезоне.

Этот маленький спортзал расположен на цокольном этаже жилого корпуса как некое развлечение. Поэтому сегодня куртку можно не надевать.

Потуже затягиваю хвост и, сунув телефон за широкий пояс леггинсов, закрываю комнату.

Мы в спешке отдаем ключи охраннику и бежим в зал, где уже собралась толпа из двух наших параллельных одиннадцатых классов.

Как только захожу в просторное помещение с высоким потолком, в груди разрастается нехорошее предчувствие. Целый день настроение болталось выше облаков, а сейчас меня, будто горящую спичку, накрыли стеклянным колпаком, вынуждая погаснуть, как только закончится кислород.

Медленно поворачиваю голову и хочу провалиться сквозь землю.

Азарин.

Он стоит рядом с какой-то девчонкой и перекидывает мяч из руки в руку. На лице у него отвратительная улыбка, которая, чего уж скрывать, ему идет. Его смазливая физиономия по шкале от одного до десяти удостаивается той самой жирной десятки.

Тим задерживает мяч на ладони, а потом зажимает его под мышкой, проходясь пятерней по густым взъерошенным волосам.

Аня прослеживает мой взгляд и поджимает губы.

– Я не знала, что он тут будет. Честно. Андрей сказал... – Она быстро тянется к телефону и набирает Королеву сообщение. Тот не заставляет себя долго ждать.

На претензию со злобным смайликом в конце отвечает одним словом – сюрприз.

Сюрприз? Seriously?

Обхватываю плечи руками, чувствуя на себе Анин сожалеющий взгляд.

– Прости, я правда не знала, но Андрей говорил, что Тима не будет. Честно. Я тебе клянусь, – она прижимает ладони к груди, кусая губы. Выглядит довольно правдоподобно, но стоит ли мне ей верить?

Может, она и ногу в тот раз по просьбе Азарина «подвернула»?

– Не бери в голову, – шумно выдыхаю и делаю шаг в сторону небольшой двухъярусной трибуны. Про Анькины выходки подумаю чуть позже.

Присаживаюсь на скамейку, и надо мной сразу возникает Кайсаров.

– Ты играешь?

Пожимаю плечами, запрокидывая голову, чтобы посмотреть Данису в глаза.

– Мы на команды делимся, – он галантно протягивает мне руку. – Давай с нами.

Сегодня, в отличие от хоккейного матча, классы друг против друга не играют. Все вперемешку. Тут вообще многие заняты своим делом и пришли чисто поглазеть.

– Арина к нам, – вмешивается Тим и, перехватив мою руку, выдергивает со скамейки. – Выбери кого-нибудь другого, она плохо играет, – поворачивается к Данису, который выглядит максимально спокойным, в отличие от Азарина. – Поэтому я, так и быть, дам тебе шанс на победу и заберу ее себе.

Кайсаров мягко улыбается и убирает руки в карманы.

– Думаю, все же стоит спросить у Арины, – пожимает плечами и смотрит на меня.

– Вот именно, – высвобождаюсь из захвата, правда, с трудом. – У Арины есть язык! И я буду играть в команде Даниса, Азарин.

Тим злобно прищуривается и с усмешкой бросает мяч через плечо.

– Ладно.

Я поворачиваюсь к нему спиной и иду следом за Данисом.

– Тебя опять Катька попросила?

В ответ он отрицательно вертит головой.

– Нет. Решил проявить дружелюбие, – усмехается и переводит взгляд на Тима, который уже стоит по другую сторону сетки, но продолжает сверлить нас глазами.

Бегаю взглядом туда-сюда, а потом даже приоткрываю рот от понимания.

– Ты его дразнишь...

Кайсаров расплывается в наглой улыбке и утвердительно кивает.

– Чтобы жизнь не казалась ему такой беззаботной, – шепчет, склонившись к моему уху со смешком.

Улыбаюсь в ответ и отдаю ему свой телефон, вытянув его из-под резинки леггинсов.

Данис вручает наши смартфоны какому-то парню, усевшемуся на трибуне, на хранение и возвращается к сетке.

– Я, честно говоря, и правда плохо играю, – поджимаю губы, пряча руки за спину.

– Заодно и подтянешь навык. Во вторую линию вставай. Я буду спереди, подстрахую.

Интересно, как можно подстраховать спереди? Это единственный вопрос, который промелькивает в моей голове, прежде чем начинается игра.

Азарин лупит по мячу как ненормальный, и, конечно же, все его броски идут в сторону Кайсарова. Я вообще чувствую себя лишней, да мне кажется, все на площадке себя такими чувствуют, потому что эти двое будто играют сам на сам.

Отпрыгиваю в сторону в очередной раз, когда Данис резко отбегаёт назад и в ответ бьёт снаряд, перелетающий сетку в сторону Тима.

Правда, в какой-то момент мяч попадает ко мне. Я его ловлю. Просто ловлю в руки, слыша негативные вздохи в команде.

Ну, простите! Бурчу себе под нос.

Они то ли делают перерыв, то ли приостанавливают игру, понятия не имею, но, не заметив этого, уже со всей силы луплю по мячу, который прилетает Тиму прямо в профиль. Мне кажется или я слышу, как в области носа у него что-то хрустнуло?

Все, абсолютно все присутствующие в зале оживают.

На миг прикрываю глаза, неосознанно делая шаг назад. Черт! Ну вот, снова. Я снова с ним связалась, сама того не желая.

Азарин накрывает переносицу ладонью, мгновенно находя меня глазами.

О, что я в них вижу, словами не передать. Он злится. Очень-очень злится. И на самом деле есть отчего, ведь сквозь неплотно сжатые пальцы у него просачивается кровь.

Вот так, одним ударом, я разбила нос нерадивому однокласснику. Может быть, теперь не он будет кошмаром моего детства, а я – кошмаром его школьных лет?

Эта мысль немного веселит, и мое лицо озаряет улыбка. Брошенная абсолютно невпопад улыбка. Ведь, если так подумать, может показаться, что сделала я это намеренно. Как месть за бассейн, например...

- Ты его загасила*, – со смешком произносит Кайсаров, – причем по лицу.

Да уж, очень весело, особенно если в глазах Тима я почему-то начинаю видеть свою медленную смерть.

Тим ошпаривает меня взглядом, делая первые шаги в направлении выхода из зала.

В команде тем временем происходит замена. На место выбывшего Азарина приходит другой мальчик. Я под шумок тоже сбегая и, прихватив свой телефон, увязываюсь следом за Тимом.

Лучше уладить это недопонимание сейчас и не доводить до конфликта. Мне абсолютно не нужны новые проблемы, он и так за эти несколько дней завалил меня ими по самую макушку.

- Прости, – кусаю губу, подстраиваясь под его шаг, – я не специально.

- Неправдоподобно, – Тим хмурится и заворачивает к туалету общего пользования на первом этаже.

Проигнорировав табличку «Men», проскальзываю следом.

- Ты, кажется, дверью ошиблась.

- Это была случайность, - продолжаю стоять на своем и игнорировать его слова. - Слышишь? Не месть, или что ты там еще мог себе придумать?! Я просто не заметила, что вы приостановили игру, и ударила по мячу. Понимаешь?

Азарин умывается и, чуть запрокинув голову, трогает свой нос. Морщится. Думаю, завтра на месте удара образуется синяк, потому что уже сейчас виднеется припухлость.

- И моя улыбка ничего не значила. Это нервное, - тру ладони о бедра, стараясь дышать ровно, но спокойствие все никак не приходит.

- Хорошо, - он упирается ладонями в раковину, наблюдая за мной через отражение в зеркале. В его глазах отражаются кружки света от встроенной в стену подсветки. - Допустим, я тебе верю.

- Это правда. Я не специально... Честно-честно.

- Говорю же, верю. Но есть условие.

- Какое?

Тим улыбается то ли мне, то ли своему отражению, неважно. Выглядит его улыбка жуткой и не предвещающей ничего хорошего.

- С тебя поцелуй. В губы.

Я чувствую, как у меня дергается глаз. Противно так дергается. Что он сейчас сказал?

- Что? - брови съезжаются на переносице, а рот остается приоткрытым.

Он же шутит? Что за тупость? Какой поцелуй?

Но, судя по выражению лица Азарина, если это и шутка, то какая-то извращенная. Чего он задумал?

- Ты слышала, Громова.

- Ты больной? - кручу пальцем у виска и отхожу от него как можно дальше, пока не впечатываюсь спиной в матовую кафельную стену.

- Антошка ревновать будет? Так ты еще вчера дала повод, в бассейне. Считаю, что мне понравилось.

Он выразительно играет бровями, а я хочу, чтобы мне в руки снова дали мяч. Если он окажется у меня, я добыю Азарина прямо тут, и его увезут с самой тяжелой степенью сотрясения.

- При чем тут Антон? Я не поцелую тебя даже за миллион долларов.

- Даю два, - он снова ухмыляется и, круто развернувшись на пятках, делает шаг в мою сторону. - Либо поцелуй, либодохлаямышьпокажетсятебе самым милым событием в этом месте.

- Это шантаж?

- Это пара слов о будущем. Решать только тебе, Ариша.

- Я лучше умру, чем тебя добровольно поцелую. Понял? Что за тупые приколы вообще?!

Осматриваю это чертово замкнутое пространство за закрытой дверью и понимаю, что уходить нужно было раньше, пока Тим не подошел ко мне вплотную и не выставил руку у моего плеча, окончательно отрезая все пути к бегству.

Хотя если хорошенько размахнуться, то можно врезать ему коленом между ног. Эта мысль поселяется в моей голове навязчивым и, наверное, единственным выходом из ситуации.

Смотрю вниз, а когда поднимаю взгляд, Азарин одними губами произносит: «Даже не думай», – и ставит ногу так, что особо уже не размахнешься.

– Что ты за человек? Обязательно издеваться?

– Обязательно.

Тим кивает и так странно на меня смотрит, я даже понять ничего толком не успеваю, но уже чувствую его губы на своих. Зажмуриваюсь. Ладно, это будто снова поцеловать лягушку. В детстве мы с Катькой как-то повелись на эту дурацкую сказку и пошли на пруд с полной уверенностью, что жаба может превратиться в принца...

Господи, какая гадкая реакция. Вместо того чтобы заорать, укусить его или стукнуть по башке, я замираю. Да-да, в страшных ситуациях меня тянет прикинуться трупом.

Поцелуй продолжается. Нет! Он затягивается и в какой-то момент даже перестает быть противным. Я чувствую, как ладони Тима аккуратно ложатся мне на талию, и зачем-то привстаю на носочки.

Больная. Сумасшедшая...

В голове начинается какой-то обратный отсчет. Меня слегка штормит. Эмоции захлестывают с новой силой, не давая мыслить рационально. Легкие доверху заполнились воздухом. От происходящего кружится голова, а болтающиеся до этого безвольными плетями руки вдруг касаются Азаринской груди, и вовсе не в попытке оттолкнуть. Что за черт?!

Распахиваю глаза, которые заплыли легкой дымкой, лишь когда он разрывает поцелуй. Не я. Он!

Тим еще пару секунд находится в миллиметре от моего лица. У него шальные глаза, и дышит он часто. Слишком часто для человека, который по жизни ходит с непробиваемой миной презрения и наглости.

Темные радужки практически слились со зрачками. Азарин все еще удерживает меня в своих ладонях и продолжает пялиться. От этого визуального контакта волосы на голове встают дыбом, а по спине пробегает сковывающий тело холодок.

– С меня два миллиона долларов, Громова, – шепотом, – ну или твое спокойствие на оставшуюся неделю. Ты его заслужила. Выбирай.

Он отстраняется. Убирает руку с моей талии.

Я вижу его ухмылку, но ничего не могу сказать. Мое сердце колотится со скоростью света. Ладони вспотели, а колени вот-вот подогнутся.

Тим делает шаг к двери. Секунда, и я слышу ее хлопок.

Сама стою не шевелясь, продолжая прилипать к прохладной стене и часто моргать. Мои губы горят огнем, как и все лицо в целом.

Дверь за Тимом уже давно закрылась. Я нахожусь в мужском туалете с распахнутыми веками и бегающими по телу мурашками совсем одна. Вероятность, что сюда кто-то войдет, меня абсолютно не волнует.

Волнует другое: что это сейчас было? А главное, почему я так странно отреагировала...

*Гасить — совершать сильный атакующий удар.

Это разговорное слово встречается не только в волейболе. Его можно услышать в теннисе или в футболе. Оно просто означает сильный удар по мячу, после которого тот летит с большой скоростью.

Глава 7

Тим

Несмотря на отек и специфическое дыхание, при котором чувствуешь себя мопсом, настроение болтается на самой высшей отметке.

В башке разрывается очередной снаряд эйфории. Сердце все еще частит и никак не может поймать обыденный ритм. Но это сейчас мало волнует, куда интересней другое...

Она даже не попыталась меня оттолкнуть, а когда мои глаза встретились с ее серыми льдинками, я не увидел в них отвращение.

Растерянность, шок – да, но не неприязнь.

Может быть, все эти годы она чувствовала то же самое, что и я, просто тщательно это скрывала, так, что моя тупая голова просто не сообразила?

Заворачиваю к лестнице на второй этаж и быстро поднимаюсь в комнату.

Перед глазами все еще Аришино лицо. Раскрасневшиеся щеки, бегающие зрачки и влажные пальцы, которыми она задела мою шею.

Растираю кожу в месте ее прикосновения и, скинув кроссовки, практически падаю на кровать, погружаясь в собственные мысли.

По мозгам внезапно бьет еще один вопрос – что будет завтра? Даю два ляма, что она сделает вид, будто ничего не случилось. Проигнорирует. Это же Громова. Хотя даже ее игнор мне на руку. Крути как хочешь, рассматривай под любым углом, и все равно найдешь лазейку. Именно это я и собираюсь сделать в ближайшие дни.

Рожа еще немного ноет, но не критично. Бывало гораздо, гораздо хуже.

Свет в комнате внезапно загорается. Морщусь от яркой вспышки лампы и поворачиваю голову ко входу. В дверях стоит Королев.

Он настороженно осматривает комнату, наконец добираясь глазами до меня.

– Ты же ее не убил? – спрашивает вполголоса.

– Завтра и увидишь, – улыбаюсь и, закинув руки за голову, закрываю глаза.

Долго не могу уснуть. Ворочаюсь. Бешусь от Дюшиного храпа и пару раз за ночь запускаю в него подушкой.

Но, даже когда в комнате повисает тишина, сон все равно не идет. Меня штормит. В голове рождаются все новые «теории заговора». Вопрос, что делать дальше, все еще лежит на поверхности.

Никогда бы не подумал, что буду так близко и так часто находиться с Громовой в одном пространстве. Эти тупые семейные праздники, на которых она присутствовала, всегда выводили меня из себя, потому что на все свои слова в отношении нее я никогда не получал нужной реакции, зато, когда троллил или задираю ее, просто купался в Аришином внимании.

Сейчас меня немного грызет совесть за все прошлые выходки...

Например, когда в десять лет я запер ее на чердаке. Мы были у Громовых, родоки куда-то свалили. Повариха, которая у них готовила, сделала свою работу и тоже ушла. Мы с Ариной остались вдвоем. Поругались, из-за чего, не помню. Помню только, что проследил за ней и потом запер на чердаке, куда она зашла, а минут через пятнадцать отец прислал за мной охранника, чтобы тот отвез меня в отель.

Он-то отвез, но Громову я отпереть не успел, а сказать отцу, что натворил, тупо зассал. Он бы устроил очередную головомойку за мои выходки. Арина, конечно, потом пожаловалась, и мне все равно влетело, но это уже другой эпизод...

Переворачиваюсь на спину, наблюдая в окно, как на улице начинает светлеть.

Ровно через час у Андрюхи звонит будильник. Коридоры медленно оживают. Из-за двери начинают доноситься голоса.

Нехотя поднимаюсь с кровати, принимаю душ. Рассматриваю свою физиономию в зеркале. Как такового синяка вроде нет. По крайней мере, это не выглядит так, словно меня кто-то отметелил.

На выходе из комнаты затягиваю на шее этот ненавистный галстук, но, когда дохожу до первого этажа, он уже болтается в расслабленном состоянии, я даже поправляю его неосознанно, переводя из удавки в непонятно болтающееся нечто.

Первой стоит лабораторная по химии.

Жму Кайсарову руку и падаю за парту. Этот гад вчера специально меня дразнил, инженер человеческих душ, блин.

Арина появляется в классе одной из последних. Улыбается Дану и, отодвинув свой стул подальше от меня, усаживается за парту.

У нее приятные духи, подмечаю уже на автомате. Что-то сладкое, но не приторное.

Волосы собраны в высокий хвост, поэтому я четко вижу ее профиль. Залипаю на губах и чувствую, как в улыбке изгибаются мои.

Знаю, что она видит мой взгляд. Сложно не заметить, когда на тебя так пристально и открыто таращатся. Но вида не подает. Сидит и смотрит четко перед собой, иногда что-то щелкая в телефоне.

Поправляет воротничок рубашки, случайно задевая меня локтем, и, вздрогнув, отодвигается еще дальше. Меня же снова прошибает. От какого-то мизерного скольжения ее локтя по моему предплечью. Секундное дело, заставляющее плавиться разум. Если так и дальше продолжится, не уверен, что сдержу свое слово о ее покое, который я обещал ей на целую неделю.

Химик, зашедший в класс сразу после звонка, дает задание по лабораторке и открывает свой ноутбук. Мы с пацанами уже давно просекли, что он рубится в игрушки по сети, пока весь класс пишет эти долбанные самостоятельные.

Два опыта. Одна задача.

Громова делает все молча. Записывает что-то в тетради, переливает вещества из пробирки в пробирку и снова пишет.

Я в химии ноль. Абсолютный. Данная наука меня не прельщала никогда.

Тоже молчу. Вроде как обещал до нее не докапываться. А когда пытаюсь объяснить ей, что из-за нашего тандема и шкала оценок у нас другая, она просто закрывает уши руками. Что за детский сад?

Химик собирает тетради и спустя пятнадцать минут объявляет оценки.

- Тимофей – два, что неудивительно. Арина – пять, но, так как вы работаете в паре, общий балл – три с плюсом, каждому.

- Что? Почему? – Громова застывает с нервной полуулыбкой.

- Работа в тандеме, Громова, помнишь? – подсказываю ей, за что получаю тычок локтем в бок.

- То есть из-за его тупости страдать должна я? – она вскакивает из-за парты и гневно стреляет в меня глазами. – Seriously?

- Успокойтесь, Громова, и присядьте.

По классу прокатываются смешки. Янка ржет громче всех.

- Не быть тебе отличницей, Ариша, – шлет воздушный поцелуй, а в ответ получает злобный Аринкин взгляд.

Звенит звонок, и все высыпаются в коридор.

- Ты не мог сказать, чтобы я дала тебе списать?! – орет на меня, когда в классе остаюсь я, она, Дюша и Валентин Александрович.

Последний с удивлением пялится на происходящее.

- Даже до такого твой мозг не додумался?

- Я, вообще-то, пытался тебе сказать, – пожимаю плечами, – ты уши закрыла.

- Seriously? This is not such things... Blin...

I go out of the class, and she, taking a bag, goes after me.

- Stop! Stop, Azarin!

We are all interested in watching, but, apparently, now it doesn't bother her at all.

I turn towards her face, putting my hands in my pockets.

- What else?

- You are special. I don't need this triple. Do you understand?

- It's just a triple.

- Just a triple? Triple! - she says sharply and at some point hits me on the shoulder with her hand. - This is not even a quadruple!

- You never got a triple?

Gromova gets annoyed and turns away sharply.

- Really? You never got a triple?

- God, but with whom I am talking about this, you have half a table - no.

- I would have asked, - I smile and push her away from the passage to the window.

- Don't touch me! We have an agreement, you promised!

- You stood in the middle of the road.

She closes her eyes and, turning sharply, goes in the opposite direction from the classroom, where the next lesson will be.

Ладно, допустим...

- Ну хочешь, я поговорю с химиком, - иду за ней, чувствуя себя полным идиотом.

- Мне от тебя ничего не нужно. Просто отстань.

У Громовой просто талант выбешивать, но я все равно тащусь за ней хвостом.

Арина забирается на подоконник в конце коридора и вытягивает из кармана пиджака телефон. Я стою напротив. Руки все еще в карманах, только теперь крепко сжаты в кулаки. Раздражает этот игнор, а еще мысли, что лавиной лезут в голову.

Ее улыбка приводит в бешенство. А быстро щелкающие по экрану пальцы как прямая подсказка, что она с кем-то переписывается.

Снова Антошка?

Ревность желчью поднимается по пищеводу, обжигая гортань. Нужно просто отсюда свалить и не строить из себя мазохиста. Но нет, я продолжаю стоять тут, как врытый в землю столб.

Вопль, доносящийся откуда-то сбоку, действует на нервы.

- Скучали?!

Катка, как настоящий тайфун, привлекает к себе все внимание в коридоре и с громким хохотом запрыгивает мне на спину.

- А вот она я, - треплет мои волосы. - Мамочка вернулась! Ариш, ты чего?

Почти сразу замечает Аринкину кислую мину, которая не меняется даже с Каткиным появлением.

Ну вот как можно быть такой правильной, а? Подумаешь, тройка.

Катка отлипает от меня и забирается на подоконник. Лезет к Громовой с обнимашками. Та отвечает и даже улыбается. Меня при этом окидывает взглядом убийцы.

Может, действительно уже стоит начинать ее бояться?

– Все нормально, – Арина поправляет Катины разлохмаченные и загордившие лицо волосы, чуть приглаживая их ладонями. – Как классно, что ты тут.

Но сестра уже успела включить цербера. Теперь на меня смотрят две пары злобных глаз.

– Ты опять со своими тупыми приколами ей настроение испортил? – сестра бьет меня по руке и только сейчас переводит взгляд к лицу. – Боже, – эмоционально взмахивает ладонью и округляет глаза, – кто тебя так? Ему тут темную без меня устроили, что ли?

– Если бы, – с усмешкой смотрю на Громову, которая сразу же отворачивается.

– Это ты его так? Вау-у-у-у. Так, птенчики, пошлите немножко поучимся, а потом вы обязательно все мне расскажете.

В классе я уже на автомате сажусь с Громовой, и Токман удивленно приподнимает бровь.

– Не поняла...

– А у них тандем, – ржет Дюша, закидывая руку Катке на плечо. Зашедший в это время в класс Кайсаров медленно двигается к своей парте и смотрит на Королева так, будто прямо сейчас выбьет ему все зубы.

И, к слову, Данис с легкостью поотрывает Дюше все руки. Не зря же он сутками может торчать в зале и дубасить грушу.

– Тандем? И что вы сделали? – Катка с интересом стреляет глазами то в меня, то в Громову.

– Я тебе потом расскажу, – спокойно, с высоко поднято головой отвечает Арина и открывает учебник.

Литература проходит тухло. Половину урока мы с Королевым рубимся в игрушку по сети, и несколько раз я даже ловлю на себе недовольный Аринкин взгляд.

В обед Катька притаскивает ее за наш стол, который все время ее отсутствия пустовал.

– ...ну и я, в общем, в шоке, температура два дня подержалась, и все. Родители даже раньше прилетели, начали по врачам таскать. Короче, ничего смертельного у меня не нашли, напичкали лекарствами, и-и-и-и вот я здесь. Здоровенькая и красивая.

– Может, стоило подольше отлежаться? – Арина подносит к губам чашку с кофе. – Осложнение никакое не долбанет?

– Нормально, не переживай. Да и как вы тут без меня будете вообще? Мне болеть нельзя. Кстати, давайте, на выходных куда-нибудь сходим? Так хочется развеять скуку. Дан, ты как?

Катька знает, с кого начинать опрос.

– Можно, – Кайсаров кивает. Королев подключается следом.

– Арина, Тим?

Все взгляды за столом устремляются в сторону Громовой. О том, что я всегда за, и так все в курсе.

– Не уверена, что получится. Ко мне друг на выходные должен из Питера прилететь.

Мои руки снова непроизвольно сжимаются в кулаки. Она сейчас серьезно? Еще и сестрица масла в огонь подливает.

– Антоха? – это опять Катька. – Так бери его с собой. Покажем ему город. Предлагаю начать турне с Патриков, говорят, там такой крутой рестик открылся.

Все переключаются на обсуждение ресторана, и только я обдумываю план на предстоящие выходные. Антошка, значит? Ладно, ты сама проявила инициативу, Громова, потом не удивляйся. Ко мне ноль претензий. Я тоже умею быть «гостеприимным».

– Кстати, а с лицом-то у тебя что? – снова Катька.

За столом начинаются смешки.

– Это его Арина вчера мячом на волейболе приложила, – лыбится Кайсаров.

– Меня терзают смутные сомнения, – смотрю на него в упор, но тоже с ухмылкой. – Не ты ли подал ей эту гениальную идею.

– Я был бы рад быть идейным вдохновителем, но нет. Она сама.

С каждым нашим словом Громова будто становится меньше. Смотрит в свою тарелку, но едва заметно все же улыбается.

– Ну что, я тебя поздравляю! – верещит Катька. – Давно было пора ему чем-нибудь приложить. Довыпендриваешься, и в следующий раз это будет железная бита, понял?!

Выставляю ладони перед собой в знаке «полегче».

В конце дня Громова сама ко мне подходит. Уже на улице, по пути в жилой корпус.

Видимо, решает поставить наше затянувшееся молчание на паузу. И конечно, в своих корыстных целях.

– В общем, – заламывает пальцы и быстро поправляет накинутый на голову капюшон, слетевший от порыва ветра, – я подумала... Поговори с химиком. Пусть он даст нам возможность переписать эту работу.

Глава 8

Ариша

Я сама встречаю Антона в аэропорту, только таблички с его именем в руках не хватает.

В зоне ожидания душно. Стягиваю шарф и высматриваю Кравцова. Вообще, его сложно не заметить. Он профессионально занимается баскетболом, поэтому рост у него соответствующий, под два метра. Я на его фоне выгляжу лилипутом, со своими метр шестьдесят три.

Но сегодня это довольно миленькие и соблазнительные метр шестьдесят три. Для этого уж постаралась. Правда, пришлось проснуться пораньше, чтобы успеть принять душ, сделать все эти маски-пилинги, накраситься, уложить волосы и выбрать платье.

Кстати, о платье. Оно красное. Узкое и короткое. Ну, не совсем короткое, попу хорошо прикрывает, и, если наклонюсь, трусами сверкать не буду. Раньше я сторонилась этого цвета. Слишком экстравагантно. Предпочитала что-то лавандовое или пыльно-розовое. Но во всех этих пастельных оттенках, еще и с моей внешностью, выгляжу я тринадцатилеткой.

А вот красный и убранные наверх волосы – это уже что-то похожее на семнадцать.

Поправляю пальто и, завидев макушку Антона, машу ему рукой, вытянув ее высоко над своей головой.

Мы с Кравцовым с первого класса дружили. В конце девятого начали встречаться. Но пары из нас не получилось. Все как-то плавно снова перетекло в дружбу.

- Риша!

Кравцов, шагающий ко мне навстречу, вытягивает руки и через несколько секунд сжимает меня в крепкие объятия, приподнимая над полом.

- Привет, - смеюсь и целую его в щеку, случайно задев кепку, которую он натянул себе на голову. - Прости.

- Только приехал, а уже голову с плеч?

- Ну тебя!

Вообще, у него в Москве соревнования. Команда приедет завтра вечером, а он вырвался раньше, чтобы встретиться со мной.

- Шикарно выглядишь. Ну ты как? Привыкла здесь?

- Больше да, чем нет, - касаюсь подошвами пола и сразу поднимаю его кепку, - новая школа тот еще цирк, но я уже немного вхожу во вкус.

- Девчонок красивых много?

- Как-то на девчонок я внимания не обращаю.

- Тогда парней?! - Тоша смеется и, сжав мою ладонь в лапищу, прокладывает нам путь к выходу.

- Ну так себе. А, такси я уже вызвала. Семь минут, - смотрю в приложение и сразу прячу телефон в карман.

- Супер. Давай рассказывай, как вы тут устроились. Мать просила фотоотчет.

- Теть Настя в своем репертуаре. Нормально устроились, только в доме ремонт еще. Хотя за эту неделю они хорошо продвинулись. Все спальни доделали. Так что будешь спать не на надувном матрасе.

Антон улыбается и открывает для меня дверь подъехавшего такси.

Дома нас еще во дворе встречает папа. Пока они с Антоном здороваются и, немного забыв про меня, начинают болтать, проскальзываю внутрь, быстро переобуваясь в тапки.

На весь первый этаж пахнет запеченным по папиному фирменному рецепту мясом. У мамы с готовкой плохо, но ее овсянка с малиной просто зебест.

- Мамуль, мы приехали, - бегу в кухню, расстегивая на ходу пальто.

- Привет, - мама целует меня в щеку, стараясь не трогать руками, которые испачканы в соусе. - Какая ты румяная.

- Помочь?

- Справлюсь, пальто-тоними.

- Забыла. Ща в шкаф повешу и помогу накрыть.

- Давай.

Пока я бегаю туда-обратно, папа с Антоном приходят с улицы. Стол мы накрываем уже все вместе. Разговоры за обедом не затихают. Говорим о школе и моем поступлении в мед. Мама уверяет Антона, что с его талантом он обязательно попадет в сборную, отчего Кравцов немного краснеет.

Мы много смеемся, шутим, вспоминаем какие-то старые истории, и, когда раздается дверной звонок, точнее, сигнал идет с пульта из-за ворот, я с удивлением поворачиваюсь к окну. Кто-то настойчиво просит пропустить в наш двор свою машину.

- Кто там? - мама кричит ушедшему в прихожую отцу.

- Катька с Тимом прирулили, - отвечает папа, а потом хлопает входной дверью. Вышел на улицу.

– А ты чего не предупредила, что еще гости будут? – мама начинает суетиться. – Арина! Давай помогай теперь, тарелки надо и стаканчики. Не помнишь, где у нас стаканы?

– Наверху там, на полке... – Стараюсь все еще улыбаться, но настроение мгновенно опускается к минусовой отметке. Катьке я всегда рада, а вот ее братцу, который к тому же неадекватный...

– Давай я достану, – Антон вытаскивает коробку из шкафа, не прибегая к помощи табуретки, и я быстро ополаскиваю посуду в раковине.

В гостиную мы заходим одновременно с папой, ржущей Катькой и улыбающимся Азариным. Последний оделся явно не по погоде. На нем рваные на одном колене джинсы и торчащая из-под кожаной куртки, повязанная на бедрах рубашка.

Кто вообще зимой носит кожаные куртки и привязывает к себе рубахи?

Ловлю на себе его любопытный взгляд, который обшаривает мое тело. Причем делает он это с таким выражением лица, что мне становится не по себе. Понравилось ему мое платье или нет, не разберешь. Зато жуткие мурашки все еще атакуют.

– Я до тебя не дозвонилась, – заявляет Токман, – на Патрики же собирались, забыла? Вот мы и решили сами за вами заехать. Антон, привет!

Кравцов расплывается в улыбке и машет ей в ответ.

– А мы обедаем как раз, – это уже мама, – так что раздевайтесь и садитесь, отказы не принимаются. Патрики подождут.

– Госпожа балетмейстер, разве кто-то может с вами поспорить? – хохмит Азарин.

Мама отмахивается, но при этом выглядит довольной как слон. Что ни говори, но она любит всю эту Азаринскую ересь.

– Иди уже, болтун.

Пока они раздеваются, я возвращаюсь за стол и молю бога, чтобы напротив села Катя. К счастью, так и происходит. Тим садится напротив Антона.

Минутами позже Катюха поглаживает свой живот со словами:

– Божечки, пироженка в меня уже не влезет, а жаль. Так, давайте уже выдвигаться. Дан написал, что тоже подъедет.

– Сюда? – удивляюсь.

– Не, в рестик. Блин, и зачем сейчас вообще рестик, после такого обеда? Но посмотреть, что там открыли, хочется, Ксюха уже столько фоток оттуда в сторисы запостила, а я ни одной.

Попрощавшись с родителями, мы все грузимся в машину Тима. Она очень низкая, и сзади в ней критично мало места.

Катюха прибавляет громкость радио, по которому крутят какой-то хитовый трек.

Мы с Антоном переговариваемся о своем, но все время поездки я чувствую на себе взгляд Тима. Он то и дело поглядывает в зеркало.

– Даник! – Катюха целует Кайсарова в щеку на входе в ресторан.

Бросаю взгляд за наши спины, замечая вышедшего из роллс-ройса человека в черном костюме. Он приносит Данису телефон.

– Оставили.

– Спасибо, – благодарит Данис и открывает Кате дверь.

Ресторан меня особо не впечатляет. На самом деле я вообще такие пафосные места не люблю. Все здесь какое-то ненастоящее. Все посетители как под копирку. В одних и тех же шмотках, одних и тех же брендов. У бара парень в кроссовках, как у Тима, чуть дальше за столиком – девушка с сумкой, как у Катюхи, а еще через стол – молодой человек в пиджаке, похожем на тот, что надет на Кайсарова, только цвет другой.

Мы усаживаемся на диванчики, а в официанта, который несет нам меню, чуть не влетает подъехавший Королев.

- Прости, брат, - падает в кресло, вытягивая ноги под столом.

Тим отвлекается на инцидент, но после снова заливает в телефон. На удивление, он сегодня молчалив. Хотелось бы, чтобы так и оставалось.

Мы проводим тут час, болтаем о всякой ерунде, активное участие в беседе, кстати, принимают Катя и Антон.

Я тяну сок и покачиваю под столом ногой до момента, пока не задеваю ей сидящего напротив Азарина, который развалился на полдивана, да еще и сполз так, что прекрасно уложил затылок на заднюю спинку.

Стукнув носом ботинка по его колену, резко меняю положение, подтягивая ступни ближе к себе. Тим медленно поднимает голову, но при этом почти сразу сталкивается со мной глазами.

Черт! Нужно было отвернуться. Ну вот зачем я продолжила на него пялиться? Будто ждала какой-то реакции, вот и дождалась....

Уголки его губ заостряются. Это не похоже на улыбку, может быть, совсем в зачатке.

Темные радужки снова сливаются со зрачками, и я впервые подмечаю, что у него длинные ресницы.

- ...помнишь, Арин? - Антон касается плеча, и я вздрагиваю.

- Что? - поворачиваюсь к нему.

- Кате рассказываю...

Он что-то говорит, но я не слушаю, потому что опять отвлекаюсь на Азарина, который поднимается и, приложив распальцовку из мизинца и большого пальца

к уху, выходит из-за стола.

Целый день жду от него подвоха. Просто каждую минуту.

- Да-да, - шевелю губами, поддакивая Тоше.

Тим возвращается минут через десять.

- Володя звонил, - садится на свое место, - в боулинг зовет, вы как?

- За.

- Да, можно.

- За.

- Мы, наверное, пас, - это уже я отличаюсь и только потом понимаю, что Антон пять секунд назад согласился. Блин. - Точнее, я думала, что ты не захочешь...

Начинаю оправдываться, но, к счастью, всем плевать. Тут уже давно принято единоголосное за.

- Ка-а-а-ть, - Тим смотрит на сестру, и та быстро хватает со стола телефон.

Пару раз щелкает по экрану и прижимает его к груди. Мы с Антоном переглядываемся, и если я с опасением, то он с улыбкой и немим внушением - расслабься. Все круто, ну?

- Пять, - говорит Кайсаров.

- Десять? - это уже Королев.

- Сто процентов двойка, да, Катька?

Она пожимает плечами, а я до сих пор не могу понять, что они делают.

– Тош, ты гость, поэтому мальчики между собой сегодня счет разыгрывали. И так, – Катрин снимает телефон с блокировки и демонстрирует написанную в заметках цифру. – Десять. Дальше всех был Тим, поэтому, – хлопает ресницами, – он платит.

– Когда ты успела выучить числа после пяти?

– Ща ударю, – она шутливо замахивается, и Азарин подзывает официанта.

– Я сама за себя заплачу.

На моей реплике Тим закатывает глаза и прикладывает телефон к терминалу.

– Как-нибудь в следующий раз.

Мы поднимаемся из-за стола, я разглаживаю подол платья, уже оказавшись в проходе, и как раз в этот момент официантка, направляющаяся к соседнему столику, обливает меня каким-то холодным супом.

– Простите-простите...

Отмахиваюсь, не желая вступать в конфликты. Вряд ли она проснулась с утра с мыслью, чтобы чем-нибудь облить кого-то из посетителей.

Все сразу начинают суетиться.

Азарин вручает мне салфетки со словами:

– У меня тут квартира недалеко. Можно простирнуть и высушить. Максимум час.

– Я лучше домой.

– Арин! – Катя дует губы. – Ну какой домой? У Тима правда тут квартира в двух минутах.

Антон, к моему удивлению, ее поддерживает. Как я и ожидала, они с ней быстро спелись. Хотя не ясно, дело в Катиной болтливости, или в том, что Тоша на нее клюнул и уже втихаря пускает слюни.

- Ладно, - соглашаюсь под общим напором.

- Вы тогда в «Меланж» езжайте, Володя там ждет.

- Ок. Тох, прыгай ко мне, - это уже Королев чудеса гостеприимства проявляет.

- Поехали? - Азарин протягивает мне пальто.

- Ага, - тяжело вздохнув, иду за ним следом.

Пальто я не надеваю, так, только накидываю на плечи. Не хочется перепачкать супом еще и подкладку.

Азарин снимает машину с сигнализации, и я вынужденно усаживаюсь на переднее сиденье.

Ребята уехали быстрее. Тим же еще копался. Ему кто-то позвонил, и минут десять он нарезал круги вокруг авто, периодически смеясь и поглядывая на меня через лобовуху.

Специально он, что ли?

Смотрю на консоль в попытке понять, как тут включить музыку, но, так и не разобравшись, откидываюсь на подголовник, прикрывая глаза.

От Антона, кстати, приходит сообщение с вопросом, есть ли кто у Катюхи.

Пишу, что и сама без понятия. У Катюхи такой ветер в голове, она парней как перчатки меняет. То один ей нравится, то другой...

– Прости, заболтался, – Азарин забирается в салон и сразу заводит двигатель с кнопки.

И так слегка продрогшее тело обдувает потоком холодного воздуха, который Тим запустил в машину со своим приходом.

– Я уже заметила, что несильно спешил.

– Громова, ты чего вечно такая пассивно-агрессивная, а?

– Трудное детство, – кривлю губы и отворачиваюсь к окну.

Про себя же думаю: «Ну включи ты уже обогрев...» Пока он там трындел, я сидела в холодной машине.

Тим щелкает по консоли, врубает музыку и выезжает на дорогу. Вообще, я Азарину по жизни не доверяю, но, к моему удивлению и даже небольшому разочарованию, водит он лучше чем сносно. Даже упрекнуть не в чем.

Ноги начинает медленно обдувать теплом, отчего я немного расслабляюсь. Можно сказать, оттаиваю.

– Приехали.

Тим чуть притормаживает, дожидаясь, пока поднимется шлагбаум, и съезжает на подземную парковку.

Квартет жилых корпусов, прекрасно вписывающийся в архитектуру старой Москвы, и правда расположен в четырех минутах езды от ресторана. Если не включать в это время светофоры и заторы.

Ценник на элитное жилье здесь начинается от ста пятидесяти миллионов. Это я уже гуглю. Стоит пройти вдоль улицы никуда не сворачивая, и обязательно упруешься в упомянутый Булгаковым парк.

– Красиво, – говорю, как только мы выходим из лифта. – Надеюсь, в этот раз ты не запрешь меня на чердаке? Или что тут, мансарда?

Азарин ухмыляется и, отрицательно покрутив головой, пропускает меня в квартиру.

В принципе, ничего неожиданного. Их дом я видела, было бы глупо полагать, что квартира чем-то уступит.

– Ванная направо. Полотенца и халат там есть. Можешь выбрать что-нибудь из моего шкафа, если в халате будет некомфортно.

– Кто ты и куда дел Азарина, м? – разуваюсь и, оттянув мокрое платье от груди, смотрю на Тима.

– Направо, – игнорирует мой вопрос.

Для убедительности, видимо, показывает мне направление ладонью, а сам идет в противоположную сторону.

Если наш поцелуй подействовал на него так отрезвляюще и превратил из сатаны в ангела, я готова провернуть этот номер еще раз. Исключительно в интересах собственного спокойствия.

– А машинка где?

– Рядом с ванной прачка.

Рядом с ванной...

Закрывшись изнутри, быстренько снимаю платье и колготки. Резинка намочла и мерзко впивилась в кожу на талии, оставляя после себя красный след.

Протерев живот краем намоченного полотенца, укутываюсь в огромный черный халат, который взяла с полки. Он там был не один, а целая стопка, и все в прозрачных пакетах. Полотенца, кстати, тоже. Видимо, это апартаменты. Удобно, вроде и в своей квартире живешь, а сервис как в отеле.

Вышмыгнув в прихожую, нахожу ту самую дверь рядом и закидываю вещи в машинку. Ставлю среднюю температуру. Время она выставляет сама, всего каких-то полчаса. Плюс минут двадцать сушки.

Медленно прогуливаюсь по коридору, абсолютно не желая увидеть то, что вижу.

Одна из дверей приоткрыта, и я мельком замечаю Азаринский силуэт. Судя по всему, это спальня, по которой он расхаживает в одних джинсах и снова треплется по телефону. Если отвести взгляд, то можно заметить валяющуюся на кровати толстовку.

Тим смеется, и я вздрагиваю, снова приклеиваясь глазами к его спине, да и хорошо сложенной фигуре в целом. Подгибаю пальцы на ногах, чувствую, как краснеют щеки. К ним обильно приливает кровь. Это стыд, что я подсматриваю, или волнение?

– Громова, подглядывать нехорошо, – он резко оборачивается, обрубая свой разговор, чем застаёт меня врасплох.

Я просто стою и продолжаю на него пялиться.

– Я... я не на тебя смотрела вообще, – переступаю порог и, поддев с кровати толстовку, кидаю ему в руки. – Оденься.

После такого конфуза единственное, что мне остается, это вести себя наглее, чем я есть на самом деле. Поэтому уверенно останавливаюсь в центре комнаты, бегло осматривая помещение.

Большая кровать, плазма в полстены, плейстейшен, встроенный в стену шкаф, ну или гардеробная.

Ближе к окну заваленный бумажками стол, на котором расположилось три стоящих полукругом монитора.

Интересно.

Азарин одевается, а я делаю уверенный шаг к этому самому столу.

Упираюсь пальцем в листок с расчетами. С какими-то сложными расчетами, кажется, это статистика. Случайно задеваю рукой мышку. Один из экранов подсвечивается. Вместо стандартной картинке рабочего стола там черное полотно, которое исполосовали бледно-голубые цифры и буквы. Коды шифрования?

- Это твое?

Медленно разворачиваюсь к Тиму, который, как оказалось, уже стоит за моей спиной.

- Нет, - подается чуть вперед, чтобы заглушить подсветку монитора. - Отец, пока мама в Барселоне, иногда ночует тут. Видимо, поюзал мой комп.

А, ну тогда все встает на свои места.

- Кстати, химию можно будет пересдать в понедельник. После шестого урока жду тебя в лаборатории.

- Хорошо. И я тебя прошу, на этот раз просто спиши все у меня.

Азарин кивает и смотрит на дверь. Ну да, я без спроса вторглась к нему в комнату. Ускорив шаг, выхожу в коридор. Тим идет следом.

- Машинка, думаю, еще минут пятнадцать будет стирать, - обхватываю свои плечи, чувствуя, как при каждом моем шаге края халата ударяются о лодыжки.

- Ладно.

Да что с ним сегодня такое? Вечно не заткнешь, а сегодня просто слово не вытянешь. Хотя я же сама хотела, чтобы отстал. Вот он и отстал, даже дружелюбие проявляет.

Так и подмывает спросить про тот дурацкий поцелуй, но я держу язык за зубами. Не стоит обострять только начинающееся налаживание общения.

И все же зачем он тогда меня поцеловал?

Хоть вопрос о нашем поцелуе и не дает покоя, воспламенившаяся во рту жажда волнует куда больше.

- Где кухня? Хочу попить.

- Прямо, - голос Тима звучит за моей спиной, очень и очень близко. - Значит, вы просто друзья?

- С кем? - замираю посреди коридора и медленно поворачиваюсь к нему лицом.

- С Антошкой. Быстро он на Катюху переключился.

- Вообще, тебя это не касается, но, если так любопытно, да. Друзья.

- Но встречались?

Мы возобновляем шаг и наконец-то оказываемся на кухне. Тим открывает холодильник и, скользнув взглядом по моему лицу, предлагает на выбор сок и минералку.

- А какой сок? - усаживаюсь за барную стойку.

- Яблоко.

- Давай, и стакан.

Азарин достает стакан и наливает в него жидкость.

- Спасибо, - обхватываю прохладное стекло ладонями, делая первый и самый жадный глоток.

- Так встречались? - садится напротив, приваливаясь к стене плечами и затылком.

- Ты правда думаешь, что я буду обсуждать с тобой свою личную жизнь? - с моих губ слетает смешок, отчего взгляд Азарина мгновенно становится колким.

- Это не более чем попытка поддержать разговор, - кривит губы и забирает из моих рук стакан, наполовину наполненный соком.

Осушает емкость в два больших глотка.

- Да? Ну тогда у меня тоже вопрос.

- Задавай.

- Твой отец практически гений...

- А я туповат? - приподнимает бровь не без усмешки.

- Ну, умом точно не блещешь.

- А может, это ты поверхностная?

- Что?

После такого вопроса-заявления я на пару секунд теряю дар речи. Прикладываю пальцы к горлу, изо всех сил пытаюсь придумать ответ поязвительнее. Только вот Азарин продолжает говорить, чем еще больше сбивает с толку.

- Зацикленная на том, что видишь, а вглубь не смотришь. Это очень по-женски.

- Ты сейчас назвал всех женщин дурами?

- Нет. Ты сама такой вывод сделала. Я это в виду не имел.

- Все-таки переобуваться на ходу - это твое.

- Практичность и быстрое умение адаптироваться к новым условиям - прекрасные черты для ведения бизнеса. Ты так не думаешь?

- Я думаю только о том, что хочу тебя треснуть.

- А вот это уже абьюз, Громова. Вечно у тебя выход из ситуации - рукоприкладство. Насилие в любых его проявлениях - зло! - выдает не без улыбки.

- Что? Ты... да ты...

- Машинка постирала. Слышишь?

Поворачиваю голову, пытаюсь прислушаться. И правда, пищит. Спрыгиваю на пол и, затянув пояс халата потуже, иду вытаскивать свое платье.

Перекладываю вещи в другую машинку и выбираю режим «Сушка в шкаф». На глажку времени нет. Остаться в этой квартире дольше запланированного я не хочу. Хорошо, что платье немнущееся.

Когда я касаюсь дверной ручки, передо мной встает дилемма - возвращаться на кухню или подождать, пока платье станет сухим, здесь. Если выберу второе, то Азарин утвердится в своей правоте или, того хуже, подумает, что я струсила.

Нет уж!

Уверенно выхожу в коридор и не менее уверенно топаю на кухню, воинственно сжав руки в кулаки.

Тим так и сидит за барной стойкой. В руках телефон. Заметив меня, на пару секунд отрывает взгляд от экрана.

Я все еще зла на его слова. Ситуацию ни на грамм не отпустила, а вот он, похоже, закрыл для себя эту тему.

Без спроса лезу в холодильник за соком и, выпив еще полстакана, нервно стучу ногтями по подоконнику.

- Так встречались? - переспрашивает.

Правда, делает это так, словно читает мои мысли. Сидит, улыбается и ждет, что я вот-вот взорвусь.

– Да. Жаль, что мне пришлось переехать, а отношения на расстоянии не очень здоровая тема.

– Это смотря какие отношения. Ваши, видимо, были не особо крепки.

– Слушай, ты замолчишь когда-нибудь? Отстань от меня. У меня нет желания с тобой что-либо обсуждать.

– Правда? А мне кажется, все время, пока ты здесь, хочешь задать один очень интересующий тебя вопрос. Но боишься.

– Какой еще вопрос? – закатываю глаза и даже сопровождаю это громким цоканьем.

– Зачем я тебя поцеловал.

Азарин чуть прищуривается и успевает заметить на моем лице всю гамму эмоций, прежде чем я отворачиваюсь. А там и растерянность, и волнение, и страх, что он все это увидит.

Я же и правда задаюсь этим дурацким вопросом уже не первый день.

– Разве это был поцелуй? – смеюсь, но слышу, как надломлен мой голос. – Так, жалкая пародия.

– Звучит как вызов. Я же могу подумать, что ты делаешь это специально, потому что понравилось и хочется повторения.

– Не льсти себе, – взмахиваю рукой, все еще стоя к Азарину спиной, прекрасно слыша, что он встал со стула.

Тим делает шаг в мою сторону. Резко поворачиваюсь к нему лицом, чтобы контролировать ситуацию. Внутри закручиваются какие-то противоречивые

чувства. С одной стороны, я до жути боюсь его приближения. С другой, мне безумно интересно, что за этим последует.

Почти как эксперименты по химии, только здесь я практически не могу предугадать исход. Мало знать нужные компоненты, нужно иметь опыт и неплохую интуицию.

Он надвигается, а потом возвышается надо мной неподвижной статуей. Не дотрагивается. Только смотрит. Слишком пристально.

Сердце предательски начинает разгоняться. Закусываю щеку изнутри и, наверное, громко дышу. Тим склоняется к моему лицу. Секунда, и его пальцы убирают прядь моих волос за ухо.

- Сопишь как ежик, - переходит на шепот. Теплое дыхание обжигает кожу, и я вздрагиваю. - Думаю, что машинка уже высушила твоё платье. Переодевайся. Если не забыла, нас ждут. Хотя я буду не против остаться тут с тобой.

Его губы расплываются в гадкой улыбке, и все, что я могу сделать в свою защиту, это толкнуть его в грудь.

Азарин отшагивает назад ровно настолько, чтобы я могла вылезти из ловушки, в которую он меня заключил у этого подоконника. Но даже так я задеваю его плечом.

Ускорившись, забегаю в прачечную и натягиваю, к счастью, сухое платье. Мысли в голове скачут с полки на полку и никак не могут собраться в круг для анализа ситуации.

Поправляю немного растрепавшиеся волосы и, шумно выдохнув, высовываю нос в коридор. Азарин уже стоит у двери в кроссовках и толстовке. Как раз натягивает свою кожаную крутку.

Ловлю себя на мысли, что очень хочу его пнуть за все эти издевки.

Держи себя в руках, Арина!

Воинственно обхожу его по кругу и вытаскиваю свое пальто. Накидываю на шею шарф и, привалившись к стене, надеваю ботинки.

Тим наблюдает за происходящим, слава богу, молча.

Засовываю ногу во второй ботинок и, покачнувшись, начинаю заваливаться набок. Азарин подхватывает меня под локоть, а когда я вырываюсь, не удерживается от комментария:

– Расслабься, Громова, людьми я не питаюсь. Особенно такими вредными, как ты.

Как же ты меня достал! Ладно...

Смахиваю с пальто невидимые пылинки, пробегаю пальцами по колену и, вытянувшись во весь рост, резко поворачиваюсь к Тиму. Сразу привстаю на цыпочки, замечая его недоуменный взгляд.

Так получается, что он упирается спиной в шкаф. Я же касаюсь его щеки, ощущая его явное напряжение. И вот это уже интересно.

Раз. Два. Три.

В этот раз целую его сама. Всего какие-то секунды, но, как только чувствую смыкающиеся на своей талии руки, отстраняюсь. За этот миг в голове успевают взорваться атомная бомба, но я продолжаю задуманное.

– Да, я была права. Все очень и очень плохо, – вздыхаю, – нас ждут, ты помнишь?

Толкаю дверь и выхожу на площадку.

Тим

Мозг разрывается на наночастицы. Громова уже успела хлопнуть перед моим носом дверью, а я – в тысячный раз за прошедший час убедиться, что все пошло не по плану.

Потому что в моей голове все должно было выглядеть абсолютно иначе, хотя окончание было примерно таким же, если не брать в расчет то, что Арина сделала это из вредности. В какой момент все вышло из-под контроля? Наверное, после моих вопросов про Антошку...

Сидя в ресторане, я особо не вслушивался в Каткину болтовню. Она уже много лет звучит для меня фоном, но слух мгновенно заострился, как только рот открывала Громова. Хотя говорила она мало. Шныряющие туда-сюда официанты меня раздражали, а вот узкие из-за близко расположенных друг к другу столов проходы раздражали официантов.

Когда позвонил Володя, я отлучился от компании минут на десять и все это время, привалившись к стеклянной стене, наблюдал, что в проходах еле расходятся два человека. У того, кто открыл ресторан, хватило денег на создание этой забегаловки, но не хватило на аренду нормального помещения.

Так вот, официанты разносили заказы, вытягиваясь по струнке и вставая боком, чтобы пропустить гостей, идущих к своим столикам. Одна девчонка чуть не ошпарила клиента кофе. Вроде обычная случайность, но мой мозг обработал увиденное по-своему. И вот я уже сую денег официантке, чтобы она «случайно» облила Громову чем-нибудь холодным. Горячий кофе и возможные ожоги никому не нужны.

Собственно, так, не без помощи Кати, которая даже не в курсе, что помогла мне, когда уговаривала Аришу не ехать домой, Громова оказалась со мной один на один.

Хотелось сместить формат наших отношений, а что поможет это сделать, как не игра в принца? Правильно, ничего.

Зная Аришу, помощь она оценит. А ее уже вполне укрепленное мнение о том, что умом я не блещу, не натолкнет на мысль, что все было подстроено. На самом

деле в своей злости и абсолютной вере в мое слабоумие она дает мне неплохую фору. Это ошибка многих – настолько недооценивать противника. Но, несмотря на это, сегодняшней раунд она, бесспорно, выиграла. Хотя я явно остался в плюсе.

Затупил, конечно, когда она меня поцеловала. Не ожидал. Но кайфанул. К слову, своим желанием меня переиграть она сделала мне большое одолжение.

Весь мой план заключался в смене обстановки. Наше нахождение в довольно замкнутом пространстве квартиры без посторонних лиц и уж точно без школьного флера должно было подтолкнуть на самые обычные разговоры и небольшое потепление. Я столько раз косячил и делал вещи, полностью противоположные собственным чувствам, что замирился с Ариной теперь не так-то просто.

По сути, это я ее спровоцировал. Конечно, она никогда этого не признает, но ее поцелуй – ответ на мою язвительность. Которой, к слову, я вообще не планировал. Обычная беседа снова вылилась в маленький скандал.

Спускаюсь на паркинг. Громова ходит рядом с машиной взад-вперед и два раза за минуту смотрит на часы.

– Ну чего ты там копался? – закатывает глаза и, как только я открываю машину, запрыгивает внутрь.

– Дюша звонил, отвлек, – запускаю двигатель и медленно выезжаю на улицу.

Если она думает, что я буду выяснять подробности ее выходки, то нет. Меня ее слова, что все очень плохо, не задела. Пусть мучается в одиночку. Сама же потом к этой теме придет, как было полчаса назад. Это приятно – знать, что всю неделю мысли о том, зачем я ее поцеловал, не давали ей покоя.

Поэтому не реагировать – самая лучшая тактика.

Громова ерзает и накидывает на себя ремень. За время пути несколько раз косится в мою сторону, но, не получив от меня того же, отворачивается к окну.

В боулинге мы расходимся. Она о чем-то весело болтает с Кравцовым, я падаю на диван рядом с Данисом. Володя, кстати, свалил. Сам всех позвал, а потом упёрся с какой-то девкой. Это уже со слов Андрюхи.

Поворачиваю голову, нарываясь на довольно привычную картинку.

Кайсаров наблюдает за Катькой, которая хихикает с Антошкой и подошедшей к ним Ариной.

- Мне кажется или это ревность? - поддвигаю к себе стакан колы.

- Конечно кажется, - парирует Данис, сложив руки на груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/vysockaya_mariya/moy-hudshiy-drug

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)